

ЕКАТЕРИНА
ДИБРИВСКАЯ

НЕДОТРОГА ДЛЯ СУРОВОГО

Екатерина Дибривская Недотрога для Сурового

<https://litres.ru/74276994>

Аннотация

Вот уж чего я не знала, когда согласилась прикрыть роман подруги, что столкнусь с её соседом. А ещё не думала, что взрослый мужчина может оказаться таким обаятельным, симпатичным и ещё вполне... молодым! И вот совсем не думала, что между нами вспыхнет головокружительный роман. И, конечно, даже не подозревала, чем обернётся моё счастье по возвращении в Москву..!

ИСТОРИЯ СЕРГЕЙ ДМИТРИЧА, ДРУГА ЛЮТАЕВА ИЗ «ТИХОНИ». МОЖНО ЧИТАТЬ ОТДЕЛЬНО.

История Ильи Лютаева "Тихоня для Лютого": История Андрея Хмурских "Паинька для Хмурого":

Содержание

Пролог	4
Глава 1.	6
Глава 2.	18
Глава 3.	29
Глава 4. Сергей Дмитрич	45
Глава 5.	58
Глава 6.	73
Глава 7.	89
Глава 8.	102
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Пролог

– Мы не можем быть вместе!

С каждым днём наших невозможных отношений для меня это становится всё более очевидным.

– Конечно, можем, – самоуверенно заявляет Сергей.

Его ручки обхватывают мою тонкую талию. Одно движение, и я сижу на самом краешке трибуны кафедры.

Мужские губы скользят по шее, и я обхватываю его плечи для опоры и равновесия. Толстые длинные пальцы ныряют под мою юбку, касаются кружевной резинки чулок, и я нетерпеливо ёрзаю.

– Не могу ждать до вечера, – выдыхает Сергей где-то в районе моей груди. – И не хочу.

Я подношу руки к рубашке и медленно расстёгиваю пуговку за пуговкой. Пальцы подрагивают от охватившей меня страсти.

Суровин жадно осматривает полупрозрачное кружево белья и целует прямо сквозь него. С моих губ слетает тихий стон, от которого мужчина довольно усмехается и устремляется к моим губам.

– Соскучилась, – констатирует он, проводя пальцем по средоточию всех моих нервных окончаний в это мгновение.

Пламенный поцелуй стирает волю, заставляет забыть все причины невозможности наших отношений.

Он всё ещё женат.

Он – завкафедрой и мой преподаватель. Он – отец моей подруги.

Разве что-то из этого не решается на самом деле?

Может, мне стоит просто положиться на опытность мужчины, которого я люблю, когда он заверяет, что мы со всем справимся?

Под натиском его поцелуев я окончательно расслабляюсь и доверяюсь умелым заботливым рукам.

За нашим ярким единением мы не слышим тихого скрипа двери, не слышим чужих шагов...

– Папа?! – в неверии спрашивает Лена. Её голос звонко разлетается по пустой аудитории и действует на меня подобно пощёчине. – Юля?! Ну ты и дрянь! Что, в нищете прозябать надоело? Ты всегда надеялась найти себе богатого мужика, уж я-то знаю! Но как, скажи, тебе пришло в голову закрутить интрижку с моим отцом?!

Впрочем, ответа она не ждёт. Пулей вылетает из аудитории, даже не потрудившись хорошенько хлопнуть дверью.

Сергей запахивает мою рубашку, окидывает ледяным взглядом и отстранённо бросает:

– Приведи себя в порядок и жди здесь.

У меня не возникает даже крошечной мысли спорить с мужчиной, который тут же бросается догонять свою дочь.

Глава 1.

Подруга смотрит на меня умоляюще:

– Ну, пожалуйста! Пожалуйста, Юль! Пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста!

От этого разговора у меня уже кружится голова! Лена сумбурно вывалила на меня новость, но, признаться честно, я ничегошеньки не поняла.

– погоди, – повторяю я пересохшими губами, – чего ты хочешь?

И она повторяет ещё раз гораздо медленней:

– За успешное окончание сессии родители подарили мне путёвку в Грецию. На двоих. Для нас с тобой. Они же знают прекрасно, что, если бы не ты, меня давно бы выпнули из универа! – она закатывает глаза, усмехаясь во все тридцать два зуба. – Десять дней греческих каникул, романтика и приключения! Это же просто... то, что сам доктор прописал для нас с Лёхой, чтобы мы наконец продвинулись вперёд.

– погоди, – снова повторяю я. – Если поездка для нас двоих, то...

– Я уже знаю, как решить этот момент, – успокаивает она. – Но предки в жизни не отпустят меня с парнем, ты же знаешь!

Теперь моя очередь закатывать глаза. Предков Судиловой Лены я знала только по её рассказам, но знала подругу, по-

этому смело делила деспотичный характер её отца и склочный – матери на два, а то и на три.

– Папаша расчехлит своё охотничье ружьё и пристрелит Лёшку, зуб тебе даю.

– И ты хочешь?... – осекаюсь я.

– Чтобы ты прикрыла меня. Мы позвоним маме, попищим в трубку от счастья, скинем фотку из аэропорта, мы с Лёхой улетим в Грецию, а ты... придумаешь что-нибудь на эти весенние каникулы. Но с хаты тебе придётся съехать, – тараторит подруга и быстро добавляет, глядя на моё озадаченное лицо: – Да ты не переживай. Я действительно всё придумала. Полетишь в Сочи, у нас там таунхаус.

– С ума сошла! – вопль недовольства срывается с моих губ. – А если родители решат наведаться туда?

Ленка смеётся:

– Родители никогда не бывают в этой дыре! Папа купил домик по случаю перед Олимпиадой, и теперь он просто... как бы... есть.

– Нет, я уж тогда лучше к матери поеду, – хмурюсь я. – Но не буду так рисковать. С моей удачей, просто поверь, твоим родителям приспичит наведаться в Сочи именно в тот момент, когда я буду коротать там дни в ожидании тебя!

– Юль, – подруга перестаёт метаться по комнате и устраивается рядом. Она берёт в руки маленькую подушку и стискивает пальцами. – Прости, я отвратительная подруга, знаю. Но я не хочу, чтобы из-за меня тебе пришлось провести де-

сять дней в своём Горшкове и любоваться бухой матерью.

Я опускаю взгляд. До сих пор не понимаю, как мы подружились. Лена – дочь обеспеченного отца, взрывная и взбалмошная, любящая шумные вечеринки и сладкие клубные коктейли. Родители Судиловой постоянно то сходились, то расходились, невероятно балуя свою единственную дочь, и она умело крутила ими обоими, пользуясь ситуацией в семье. Я же, напротив, тихоня и заучка, родом из бедной провинции. Кроме вечно пьяной матери, у меня и родни то никакой не было, поэтому с самого раннего детства, можно сказать, я была совершенно одна. Мы с Ленкой даже не из двух полярных социальных групп, а с разных галактик, настолько непохожи как внешне, так и внутренне. Но на первой же паре Судилова уверенно уселась рядом и стала моей подругой. И вот уже несколько месяцев мы делим быт в квартире, подаренной ей отцом. Я подрабатываю после пар официанткой в кафе, хотя Ленка и убеждает, что я ей ничего не должна, но мне неудобно жить за счёт родителей подруги. Наш холодильник всегда полон, счета оплачиваются быстрее, чем мы их получаем, и, пожалуй, самое меньшее, что я могу сделать в ответ на доброту Судиловой, это прикрыть её бурный роман.

– Хорошо, – медленно выдыхаю я. – Но я поеду к матери. Ни о каком Сочи и речи быть не может.

– Нет, – Лена обнимает меня. – Ты летишь в Сочи, и это не обсуждается!

Всю дорогу из аэропорта я глазею в окно такси. Внутри меня зреет тревога. Чувствую, что подруга втянула меня в ту ещё историю, но ничего уже не попишешь. Вряд ли денег в моём кошельке хватит и на аренду жилья, и на десятидневный срок пребывания здесь. Хотя стараниями подруги сумма там и увеличилась больше, чем в три раза, я рассчитываю вернуть её подарок сразу по возвращении.

Водитель останавливается у шлагбаума коттеджного посёлка и поворачивается вполоборота:

– Пропускная система, – говорит мне. – Или заказывайте пропуск у охраны, или...

– Я дойду пешком, – торопливо заверяю его.

Расплатившись, выхожу на улицу и с неудовольствием отмечаю, что воздух полон мелкой взвеси дождя.

Просто чудесно! Если мне придётся торчать все десять дней из-за непогоды в горах в совершенно чужом доме и боязливо прислушиваться к каждому шороху... Раздражение вспыхивает на короткое мгновение, но я тут же гашу его. Судилова хотела как лучше, знает ведь прекрасно, что с матерью мне непросто.

Водитель достаёт из багажника мой скромный чемодан, и я иду к посту охраны.

– Здравствуйте, – робко говорю в окошко, и огромный дедина лениво окидывает меня взглядом.

– Чего тебе?

– Я приехала в отпуск... – неуверенно начинаю я, но он перебивает:

– Здесь не сдают жильё.

Он мгновенно теряет ко мне интерес, а я предпринимаю новую попытку:

– Вы не поняли. Я приехала в отпуск сюда, в таунхаус 13а, у меня и ключ есть.

Я открываю сумочку, перебираю её содержимое: документы, билеты, бумажные платочки, связка ключей от московской квартиры, гигиеническая помада, пара карамелек, упаковка обезболивающего... и никаких ключей от коттеджа!

Трясущимися руками раскрываю чемодан, игнорируя усиливающийся дождь и насмешливый взгляд сотрудника охраны, перебираю каждую вещичку, даже сумочку с бельём, и начинаю паниковать.

Небо стремительно темнеет, льёт дождь, а я одна-одинёшенька примерно в пятидесяти километрах от аэропорта, высоко в горах, в небольшом уединённом коттеджном посёлке, не знаю ни единого номера местного такси и...

– Что? – насмешливо спрашивает охранник, выходя из добротной будки КПП. – С ключиками вышла накладочка?

– Забыла дома. – понуро отвечаю ему. Надежда тут же вспыхивает во мне, когда я задаю вопрос: – Возможно, у вас есть запасной комплект? Ну мало ли что может случиться в отсутствие хозяев?

Мужчина откровенно потешается надо мной:

– И я должен их давать первым встречным?

За моей спиной шелестят по мокрому асфальту колёса автомобиля. Охранник мгновенно выпрямляется, дотягивается через окошко до пульта и без лишних вопросов открывает ворота перед жителем посёлка. В отличие от меня, он, очевидно, не первый встречный. Но он не торопится проезжать.

Останавливается ровнёхонько напротив нас, тонированное стекло со стороны передней пассажирской двери ползёт вниз, и из темноты салона раздаётся мужской голос:

– Что тут, Иван?

– Не стоит вашего беспокойства, Сергей Дмитрич, – чинно отвечает охранник. – Девушка заблудилась, но уже покидает территорию.

– Я не заблудилась, – раздражённо топаю ногой. И что нашло на меня? Я совсем не такая! – Я приехала в отпуск в таунхаус 13а, но забыла дома ключи и...

Охранник белеет лицом, а за спиной хлопает дверца внедорожника. Раздаются шаги, и рядом вырастает представительный мужчина. Ему лет тридцать пять, стильная аккуратная борода, коротко подстриженные тёмные волосы, карие глаза; огромное мускулистое тело едва ли умещается под белоснежной рубашкой. Он внимательно осматривает меня с головы до ног и спрашивает:

– В таун 13а?

От его звучного голоса по телу разбегаются мурашки. От страха и волнения в горле пересыхает, и я только лишь киваю

в ответ.

– Я из 13б, – задумчиво говорит он. – Ты соседская дочка, что ли?

Я убью Ленку! Она уверяла, что вторая половина коттеджа пустует! Она обещала, что ни одна душа не заинтересуется, кто живёт в пресловутом доме! И тут же мой запал гаснет... Это я, растяпа, забыла ключи на прикроватной тумбе.

– Её подруга, – отвечаю тихо. – Приехала в отпуск, а ключи, которые мне дала Лена, забыла дома. Но это мои проблемы, и я их решу, мне бы теперь только найти номер такси и вернуться в город... Спасибо за участие.

– У меня есть запасной комплект ключей, – неожиданно говорит мне этот сосед. – Поехали.

Охранник смотрит на моего спасителя странным взглядом и задумчиво протягивает:

– Сергей Дмитрич, но ведь...

– Иван, – перебивает мужчина. – Оставьте это.

Я смотрю то на одного, то на другого. Между ними идёт какая-то безмолвная беседа, и я искренне понимаю опасения охранника и не понимаю решимость соседа помочь мне, абсолютной незнакомке. Но всё решается твёрдым словом Сергея Дмитрича:

– Под мою ответственность, Вань. – И охранник, дёрнув плечами, удаляется обратно в свой домик, а сосед обращается ко мне: – Поехали.

Даже сам подхватывает мой чемодан, устраивая его на

заднем сиденье. Я хочу возразить, но уже слишком поздно. Переживания, что он потребует с меня денег за химчистку салона, когда обнаружит на обивке грязь, едва ли не вызывают потоки слёз, но я заставляю себя подойти к машине, неловко забраться на пассажирское кресло, рядом с хозяином, и молчаливо пристегнуться ремнём безопасности.

Перехватываю насмешливый взгляд мужчины и нервно облизываю губы.

– Что? – поднимаю бровь.

– Ничего, – усмехается он. – Нам ехать минуты три от силы.

– Даже если одну, – пожимаю плечами, – разве не нужно соблюдать правила дорожного движения?

– А ты, значит, из тех, кто всегда соблюдает правила? – он задумчиво смотрит на меня.

– Я из тех, кто старается их не нарушать, – бросаю с вызовом.

– Это не одно и то же?

– Конечно, нет.

– И в чём же разница? – озадаченно спрашивает он.

Смотрит прямо мне в глаза. Прожигает насквозь. Я теряюсь от его взгляда, от этого дурацкого разговора. Вот уж, правду говорят: язык мой – враг мой. И зачем затеяла глупый спор?

– Не знаешь, – удовлетворённо хмыкает он.

«Знаю», – хочет сказать мой глупый рот, но сзади раздаёт-

ся гудок, и мужчина переключает внимание на дорогу, въезжая в распахнутые ворота.

Он не соврал, ведь ровно через три минуты мы плавно тормозим перед красивым коричневым двухэтажным домом с белыми рамами. Мужчина заезжает на подъездную дорожку, покидает салон, достаёт мой чемодан и открывает для меня дверцу, протягивая мне руку помощи. И я, опираясь на неё, спрыгиваю вниз с сиденья, врезаюсь в его мощное тело и торопливо отодвигаюсь от него.

– Тебя как звать-то? – спрашивает он. В тёмных глазах пляшут искорки веселья.

– Юля.

– Приятно познакомиться, – говорит мне с улыбкой. – А меня – Сергей Дмитриевич.

– Уже поняла, – киваю ему. – Приятно познакомиться и спасибо, что пришли на помощь. Честно говоря, я была уже близка к отчаянию, когда вы появились. Не переживайте, я в ближайшее время свяжусь с подругой и постараюсь съехать завтра с утра, чтобы у вас не возникло проблем с ключами.

– Зачем? – удивляется Сергей Дмитрич. – За те годы, что я здесь обитаю, соседи нечасто приезжали в свои владения. Не думай, что кому-то помешаешь или кто-то будет против, учитывая, что ключи тебе изначально дали всё-таки хозяева.

– Вы думаете? – я кусаю губу, и взгляд мужчины резко устремляется туда.

– Да, однозначно. – Он на мгновение прикрывает глаза и

говорит мне: – Пойдём в дом, я найду ключи.

Проходит минут пятнадцать, в течение которых я, скромно пристроившись на высоком барном стуле в стильной кухне, цежу стакан воды с долькой лимона, когда хозяин наконец входит, подбрасывая ключи вверх.

– А вот и они!

Слава богу! Я даже выдыхаю с облегчением!

Терпеть не могу навязываться, испытывать чьё-то терпение. С самого раннего детства я привыкла полагаться только на себя. Будь то огород, готовка или поход за молоком, я знала, что мне будет нечего есть, если я понадеюсь на свою мать.

Я очень благодарна Ленке за её лёгкий нрав и щедрость, но всегда подспудно жду часа расплаты. Не привыкла я к тому, что бывает что-то просто так. Не привыкла, и всё тут.

Вот и сейчас всеми силами ожидаю подвоха. Огромный мужчина, живущий, судя по всему, в одиночестве, вызывает у меня страх. Где-то глубоко внутри меня всё колотится от одной крошечной мысли, что ему ничего не стоит прямо сейчас оттащить меня в одну из спален необъятного дома, зажать одной ручищей и сделать всё, что ему заблагорассудится.

– Ну, пойдём, Юля, посмотрим, нет ли там сюрпризов, – серьёзно говорит мне Сергей Дмитрич.

– Каких сюрпризов? – ойкаю я.

– Да мало ли! Дом-то сколько пустовал!

И то верно! Я спрыгиваю со стула, беру в руки стакан и

выливаю в раковину недопитую воду. Открываю кран, ополаскиваю стакан, ставлю его рядом с мойкой и поворачиваюсь. Мужчина смотрит на меня с престранным выражением на лице, окидывает задумчивым взглядом с головы до ног, и я поджимаю пальцы. Жалею, что не надела в дорогу новые носки, ведь те, что есть... заметно истончились от частых стирок и просвечивают.

– Идёмте? Неудобно вас обременять, и так отняла у вас слишком много времени.

– Любому мужчине всегда приятно помочь очаровательной девушке, – мягко замечает он.

– Я бы с вами поспорила, – с улыбкой закатываю глаза.

– Иногда лучше поверить на слово.

– Незнакомцу? – скептически спрашиваю у него.

– Почему нет? Я же тебе поверил.

На кончике моего языка рождается миллион ответов, но прикусываю его. Он прав. Не люблю признавать собственных провалов, но сейчас он меня уел.

Сергей Дмитрич с моим чемоданом наперевес терпеливо ждёт, пока я обуюсь. Как назло, задники кроссовок подгибаются, и я копошусь так долго, что мне уже неловко задерживать мужчину, но наконец мы выходим в темноту и повышенную влажность. Не верится, что скоро моё безумное приключение закончится, и я смогу в спокойной обстановке связаться с Ленкой. Хотя что-то и подсказывает мне, что подруга слишком занята своим романом, но попытка не пытка.

Мужчина уверенно подходит к соседской двери, изучает замок и ключи в связке. Всовывает один, но он не входит. Повторяет это ещё с парой ключей, прежде чем поднять на меня озадаченный взгляд.

– Что? – нервно спрашиваю у него.

– Тут такое дело... Что-то с замком, кажется.

– Просто чудесно! – стону я и начинаю хохотать как безумная.

Даже не замечаю, как скатываюсь на банальную истерику. Опускаюсь на мокрые от дождя ступеньки и начинаю рыдать в голос. Я точно убью Ленку!

Глава 2.

– Юля, Юль, да не реви, – Сергей Дмитрич наклоняется к моему лицу и мягко отрывает сложенные ладони. – Было бы из-за чего лить слёзы. Завтра придет мастер, и мы всё решим.

– За-а-а-а-а-втра?! – завываю я.

– Сегодня сюда уже никто не поедет.

От его спокойного, уверенного голоса я прихожу в себя.

– Вы можете вызвать мне такси?

– Нет, Юль. Одну не отпущу, – возражает он. Настойчиво так. У меня и мысли не возникает спорить.

– На улице я ночевать не буду.

– На улице тоже не оставляю. – улыбается он одними губами. – Останешься у меня, а завтра будет видно.

– А вы не можете отвезти меня в город? – спрашиваю, утирая слёзы.

– В такое время уже трудно найти жильё. Юль, не глупи. Дом большой, и я точно не собираюсь тебя убивать или насиловать. В отличие от тех, с кем ты можешь столкнуться в городе, в арендованной комнате или на улице. Пойдём.

Он удаляется с моим чемоданом, и я тащусь за ним, пытаюсь придумать аргумент, почему мне нельзя слушаться незнакомца и оставаться у него, почему я не должна ему доверять. Но как назло, ничего подходящего в голову не лезет!

Думаю, если бы он хотел надругаться надо мной, то уже давно сделал бы это. Сергей Дмитрич открывает передо мной дверь своего гостеприимного дома и, словно читая мои мысли, медленно говорит:

– Не бойся, Юль. Серьёзно. На дверях каждой спальни есть замок, который не открывается снаружи. Ты просто закроешься, примешь душ и ляжешь спать. После ужина.

Нет, я сегодня явно сама не своя! Ключи забыла, продуктов купить забыла. Хорошо, что голова при мне... вроде. Иначе почему я не могу собрать мысли в кучу рядом с этим мужчиной?

Но он не ждёт, пока я соберусь с мыслями и усмирю чувства. С лёгкостью взбегают по лестнице с моим чемоданом, открывает дверь одной из спален и кричит мне, снова сбегая вниз:

– Вторая дверь слева, не заблудишься? Я поставлю ужин, готового ничего нет. А ты можешь освежиться с дороги и спускаться в кухню, когда будешь готова.

Я краснею и открываю было рот, но он поспешно добавляет:

– Юля, не спорь. Ты устала в дороге, и тебе просто необходимо поесть перед сном. Это несколько не будет выглядеть неудобно, напротив, мне будет приятно, если ты составишь мне компанию за ужином.

– Ладно, – удручённо отвечаю ему и иду в сторону лестницы.

Я быстро нахожу раскрытую дверь и свой чемодан посреди комнаты. Первым делом проверяю замок. Выглядит надёжно. В выделенной мне спальне имеется отдельный санузел, и я захожу в большую ванную, включаю холодную воду и мою руки. Прикладываю озябшие ладони к пытающим щекам, поднимая взгляд к зеркальному отражению, и разглядываю себя.

Серые глаза лихорадочно блестят, пухлые губы, слишком огромные для моего крохотного детского лица, все искусаны от переживаний сегодняшнего вечера. Происходящее выбивает меня из привычной колеи. Нервирует.

Несмотря на то, что я привыкла полагаться только на себя, сейчас я себе не доверяю. Вдруг моё решение сорваться в город прямо сейчас станет фатальным? А если решу остаться до утра – это не приведёт к трагедии? Как же сложно! И зачем я послушала Судилову?

Откладывая самоистязания в долгий ящик, я набираю номер подруги.

«Абонент находится вне зоны действия сети.» – отвечает механический номер.

Делать нечего. Я быстро переодеваюсь в спортивный костюм и спускаюсь вниз. А там, спиной ко мне, у плиты стоит Сергей Дмитрич. Его литые мышцы перекачиваются под тесной рубашкой, и от каждого их движения на моём лице всё ярче вспыхивает румянец.

Я так и стою возле лестницы, разглядывая спину мужчи-

ны, когда он резко оборачивается и мы встречаемся взглядами.

– Ты вовремя, – дружелюбно улыбается он. – Присаживайся за стол, я уже накладываю.

Он быстро орудует лопаткой, выкладывая по тарелкам разнообразные овощи и куриную грудку.

– Простенький и лёгкий ужин на скорую руку. – словно извиняясь, произносит хозяин дома. – Могу предложить что-нибудь выпить? Минеральная вода, сок, вино...

– Сок, – выпаливаю я. Ещё не хватало пить в чужом доме вино! – Спасибо большое.

Он разливает сок по высоким стаканам и ставит один передо мной. Занимает место напротив и тут же тянется ко мне своим бокалом.

– За знакомство, девочка Юля, которая старается не нарушать правила!

– За знакомство, – пожимаю плечами и чокаюсь с ним.

Пытаюсь сохранить серьёзное выражение лица, но, стоит только взглянуть в смеющиеся глаза мужчины, начинаю улыбаться. И Сергей Дмитрич улыбается в ответ.

После ужина я порываюсь помыть посуду, но хозяин тормозит, обхватывая моё запястье. Его кожа кажется мне обжигающе-горячей, и я осторожно тяну руку из его хватки.

– Нет нужды, Юля. – говорит он. Поначалу до меня не доходит, что говорит про посуду. – Сиди, сейчас чай пить будем.

Он с лёгкостью поднимается, собирая тарелки и выстав-
ляя их в посудомоечную машину, достаёт из холодильника
птичье молоко и ставит упаковку поближе ко мне. Пока муж-
чина заваривает чай, я вскрываю сладости, удивляясь про се-
бя.

Поразительно, какие в жизни только не случаются совпа-
дения! У нас с Ленкой в холодильнике непременно имеется
коробочка птичьего молока, и мы едим его по любому пово-
ду. Да и безо всяких поводов едим.

Сергей Дмитрич ставит передо мной чашку ароматного
чая, в котором угадываются нотки чабреца и душицы, и
блюде с вилкой для десерта. Сам он тоже устраивается на-
против, выложив на тарелку пирожное, и начинает есть воз-
душное суфле в нежном молочном шоколаде.

Нерешительно я подхватываю эту волну и, ощущая на
языке знакомый вкус, кажется, начинаю расслабляться. По
крайней мере, я больше не чувствую опасения, находясь в
чужом доме наедине с крупным мужчиной, проживающим в
одиночестве. *«Разве, – думается мне, – стал бы он кормить
меня пирожными, если бы собирался навредить?»*

Мне кажется, люди, которые способны причинять другим
людям настоящую физическую боль, не едят пирожных. Они
слишком чёрствые для этого. Сергей Дмитрич, при всех сво-
их пугающих размерах, на чёрствого вовсе не похож. Не про-
шёл мимо чужой беды, опять же. Не каждый бросится на
помощь девушке, попавшей в затруднительное положение, а

он, не зная ничего обо мне, так запросто впустил в свой дом и накормил ужином!

– Сергей Дмитриевич? – тихо зову его, и он поднимает глаза на меня. – Спасибо вам большое! Даже не представляю, что делала бы, если бы не вы.

– Не такое уж и большое дело, – крикает он. Мне кажется, что мужчина смущается, но я и сама крайне смущена, поэтому тороплюсь замять тему.

– Большое или нет, просто спасибо. Если честно, я так растерялась, что действительно могла попасть в ещё более глупую ситуацию...

– Попасть в глупую ситуацию не страшно, глупо попасть в страшную, – философски изрекает он. – Юная и красивая девушка легко может стать жертвой преступника, когда за ней некому приглядеть. Путешествовать в одиночестве дикарём – рискованная, а иногда и крайне опасная затея.

– Да я вообще не собиралась ни в какое путешествие! – почему-то начинаю оправдываться я. – Это всё Лена, ну, моя подруга. Она уговорила. Я знала, что это просто отвратительный план, но всё равно поддаюсь на уговоры. Вот и вышло... как вышло.

– Я склонен полагать, что всё, происходящее в нашей жизни, случается не просто так. Как знать, возможно, именно сейчас ты находишься именно там, где и должна?

– В чужом доме с незнакомцем? – скептически спрашиваю я. – Скажете тоже, Сергей Дмитрич! Я была против Ленки-

ной затеи, собиралась поехать на каникулы к маме, но она... Впрочем, это всё не важно. Вряд ли вам вообще интересно слушать весь этот бред.

Слова вырываются из меня с подозрительной лёгкостью. Это так не похоже на моё типичное поведение, что я краснею и поспешно отвожу взгляд.

– Ну почему же, Юля. Мне очень *интересно*. В некотором роде я исследователь, и мне нравится живое общение с людьми. Возможно, тебе сейчас просто нужно выговориться? А я могу выслушать: без советов, напутствий и каких-либо осуждений. К тому же, мне крайне любопытно узнать причины, почему судьба привела тебя в мой дом.

Мужчина смотрит прямо мне в глаза внимательным и серьёзным взглядом. Я не могу разобраться: он что, издевается? Но даже спустя несколько мгновений он не начинает улыбаться, продолжая присматриваться ко мне.

– Сама не знаю, – вздыхаю я, быстро облизывая губы. – Точнее, знаю: моя подруга упросила меня провести каникулы здесь, пока она со своим парнем будет развлекаться в Греции. Вы понимаете, я же должна была лететь с ней, но она чуточку схитрила. Я очень волновалась: что её родители узнают каким-то образом правду и приедут в аэропорт, что разразится скандал; что приеду сюда и кто-то будет в доме... Так переживала, что забыла даже взять ключи, растяпа такая!

– Значит, Лена обманывает родителей, а ты её приккры-

ваешь, – задумчиво протягивает Сергей Дмитрич, и я морщусь.

– Получается, что так. Если хорошо поразмыслить, наверно, так и есть. Но вы поймите, Сергей Дмитриевич, я не считаю это полноценным обманом. Лена – взрослая девушка, ей девятнадцать, я думаю, это логично, что она хочет что-то утаить от родительского внимания.

Немного поразмыслив, он отвечает:

– Наверно. Девочки вырастают и начинают жить своей жизнью, да?

– Да, и это ведь нормально, – я пожимаю плечами. – Ну, это по моему мнению. Всё равно не получится контролировать и опекать всю жизнь... Я вообще рано стала самостоятельной, обо мне некому было позаботиться, вот и пришлось. Так и учусь на своих ошибках, а как ещё? Вот и Лена... Может, конечно, набьёт шишек, зато получит бесценный опыт.

– Поэтому ты прикрываешь её роман? Потому что сама вся такая самостоятельная?

Мужчина смотрит на меня с изрядной долей иронии, и я смущаюсь.

– Нет, что вы. Я желаю Лене только самого лучшего и надеюсь, что она впоследствии не станет жалеть о своём решении. И поддерживаю её не поэтому. Просто она... она, в какой-то степени, заботится обо мне. Я живу в её квартире и могу не беспокоиться о том, что мне нечего будет есть. Или

нечем платить по счетам. Это всё благодаря её родителям, конечно, но не всякий позовёт друга в беде разделить кров и быт. Она очень добрая, совершенно не жадная, я помогаю ей по учёбе и работаю, откладывая деньги на собственное жильё. И, конечно, всегда поддерживу Лену, вот и не смогла отказать, когда она попросила подыграть.

– Судя по всему, ты очень хорошая подруга, Юля, – улыбается Сергей Дмитрич, однако его глаза остаются серьёзными.

– Надеюсь, что так и есть, – киваю я. – У меня действительно нет никого ближе Лены, и последнее, чего бы я хотела, это подвести её.

– Уверен, что всё будет хорошо, – усмехается мужчина. – Ну, давай расходиться? Утро вечера мудренее.

Я подрываюсь с места.

– Да, конечно! Спокойной ночи, Сергей Дмитрич... Спасибо, что приютили.

– Не мог же я бросить человека в беде и не предложить ему кров... – как-то странно замечает он. Но ничего не добавляет, начиная прибирать со стола.

Я хочу кинуться на помощь, но усилием воли заставляю себя уйти. Он не отправил бы меня спать, если бы нуждался в компании чудаковатой незнакомки!

Ночь проходит беспокойно. Поначалу я прислушиваюсь к каждому шороху, словно всерьёз опасаясь нападения хозяйина, потом меня беспокоят неясные образы, явившиеся во

снах. Там и Лена, рассекающая лазурную гладь где-то в Греции. Вот она седлает огромную черепаху и кричит: «Бери от жизни всё, Юлька!». Следом является моя мать. В своём за-
тасканном халате она стоит посреди обветшалой кухни, дрожащими руками наливая водку в две стопки и протягивая одну мне. «Ну ничего, – утешает она. – Где родился, там и содился.» Вижу свою руку, такую же трясущуюся, что тянется к стопке, и меня снова перемещает куда-то, где светит солнце. Я поднимаю голову. Надо мной пышная крона пальмы. Внезапно мои глаза накрывают чьи-то ладони, а жаркое дыхание щекочет изгиб шеи. Я испуганно дёргаюсь, а за спиной раздаётся бархатный смех, от которого душа поёт. Руки освобождают меня от шутивого плена, и я поворачиваюсь лицом к их обладателю. Во рту пересыхает, когда я натыкаюсь на тёмные смеющиеся глаза, а голос Сергей Дмитрича говорит: «Юля, Юля, Юленька, не бойся. Меня не бойся. Это всего лишь я, солнышко моё ясное...»

Я резко сажусь на кровати. На часах почти шесть. Сердце колотится на износ, способное, кажется, проломить грудную клетку и шмякнуться оземь. Я прикладываю ладонь к центру груди и сосредотачиваюсь на этих частых ударах, начиная отсчёт. Постепенно сердечный ритм замедляется, и я окончательно прихожу в себя. Это всего-то дурацкий сон! Ненастоящее! И чего распереживалась, глупая?

Приедет слесарь, вскрыет чёртов замок, и Сергей Дмитрич исчезнет из моей жизни так же скоро, как и появился в ней.

Я долго лежу без сна, пока не решаю, что времени достаточно и хозяин встал. Быстро собираюсь, пихая вещи в чемодан, и спускаюсь.

– Доброе утро, Юля, – доносится откуда-то со стороны.

Я нахожу взглядом источник звука.

– Доброе утро, Сергей Дмитрич. Вы уже вызвали слесаря?

– Я уже справился с замком, – усмехается он.

– Ой, как здорово! – выкраиваю я. – Так неудобно вас обременять...

– Заканчивай, Юль. Для меня это вовсе не напряжно. – вежливо улыбается он. – Давай завтракать, и я помогу тебе перебраться.

Я хочу отказаться и уйти сразу, но прикусываю язык. Возможно, ему одиноко жить в этом доме совершенно одному? И что я теряю, если составлю ему компанию из благодарности за гостеприимство? Вот и я думаю: ничего. А потому шлёпаю за стол, завтракать со случайным прохожим в моей жизни, с которым наши дорожки навсегда разойдутся уже совсем скоро.

Глава 3.

– Кухня тут, – сразу показывает Сергей Дмитрич. Видно, что он и сам немного теряется от присутствия на половине дома соседей. – В целом, расположение помещений схожее с моим, да и много ли нужно одному человеку? Выберешь спальню по нраву, считай, полдела сделано. В цоколе бассейн и сауна. Выход во двор вот тут. Двор общий со мной, но я там практически не бываю.

Мужчина ставит мой чемодан у лестницы и вздыхает.

– В общем, осваивайся. Если нужна будет помощь, любая, смело обращайся, где я живу, ты знаешь, – он коротко усмехается и размашистыми шагами направляется к двери.

– Сергей Дмитрич, – говорю в его широкую спину. – Спасибо!

– Всегда пожалуйста.

Я смотрю, как мужчина плотно прикрывает входную дверь, и только тогда расслабляюсь. Тишина и одиночество не нервируют меня, а приносят долгожданное спокойствие. Я строю планы: первым делом приму душ, потом приготовлю обед, следом прогуляюсь по территории посёлка. Возможно, мне захочется сделать пару набросков... Обед! Ну, конечно!

Я бросаюсь к двери и выбегаю на улицу. Сергей Дмитрич как раз успел достигнуть собственной двери, и я кричу: «Сергей Дмитриевич!», чтобы его остановить.

Это срабатывает. Мужчина резко останавливается и разворачивается ко мне.

– Что-то случилось, Юля? – кричит в ответ.

– Нет! То есть да! Где здесь магазин?

Мужчина спускается с невысокого порога, выходит на улицу, и я проделываю то же самое. Мы встречаемся ровно по центру территории, там, где моё временное жилище перетекает в его. Или наоборот.

– У меня нет продуктов, – тараторю я. – Только подумала поставить обед, как вспомнила, что совершенно ничего не купила. Придётся отложить всё и отправиться за покупками.

– Ближайший магазин километрах в тридцати, в горном посёлке. – ошарашивает меня мужчина. – Я собираюсь туда сегодня... Или ты можешь заказать доставку...

Он смотрит изучающе, ожидая, что я решу. Можно заказать доставку и не быть обузой, но режим экономии денег не позволяет мне быть такой расточительной. Можно попросить Сергей Дмитрича купить жизненно-необходимый минимум, но что-то подсказывает мне, что у нас с ним весьма разные понятия о необходимом, да и неудобно просить его о покупках для меня.

– А вы можете взять меня с собой? Это не сильно помещает вашим планам? – спрашиваю быстрее, чем успеваю всё обдумать.

Сергей Дмитрич улыбается:

– Не сильно. У меня и планов-то: съездить за продуктами

и вернуться домой.

– Отлично! – смущённо выдыхаю я. – Когда мне нужно быть готовой?

– Давай через час? – предлагает он.

– Хорошо, – киваю в ответ. – Я подойду к вашему дому через час. Спасибо, Сергей Дмитриевич!

Он лишь кивает в ответ, хмуро приглядываясь ко мне. Жалеет, что согласился?

– Сергей Дмитрич, вы если не можете или не хотите меня с собой брать, лучше сразу скажите, – не выдерживаю я.

Мужчина удивлённо вскидывает брови.

– А если и могу, и хочу?.. Тогда что?

Тут уже теряюсь я. Открываю рот и, не раздумывая, ляпаю:

– Ну раз хотите меня, то и берите! – лукавая вспышка в его взгляде заставляет меня проанализировать брошенную фразу, и я краснею до кончиков ушей. – Ой! Ну я не это вообще имела в виду, вы не подумайте. Это только про поездку!

Сергей Дмитрич хрипло смеётся:

– Да понял я, понял, Юль, что ты имеешь в виду!

– Точно поняли? – уточняю на всякий случай. – Ничего такого... только про поездку.

– Ничего такого, – серьёзно отвечает он. И даже поднимает руки вверх, мол, сдаётся.

Я с подозрением смотрю в его лицо, но не могу распознать издёвки или насмешки.

– Ладно, – протягиваю осторожно. – Тогда до встречи через час?

– Да. – просто отвечает он и, развернувшись на пятках, удаляется к своему дому. И мне не остаётся ничего, кроме как поторопиться, чтобы собраться вовремя.

К назначенному времени я в полной готовности стою на подъездной дорожке, рядом с огромным автомобилем радушного хозяина, таким же солидным, как и он сам.

На мне короткое платье с цветочным принтом, джинсовка и кеды, маленький рюкзачок, лямки которого я нервно тереблю в руках. Кто бы знал, как сложно было выбрать наряд для поездки! Я перебирала нехитрые пожитки, словно от этого зависит вся моя жизнь!

Заслышав за спиной шум открывающейся двери, я оборачиваюсь и натыкаюсь на взгляд тёмных глаз. Сергей Дмитрич окидывает меня с нескрываемым интересом, и на его лице появляется блуждающая улыбка.

– Надо же, Юля! – протягивает он, открывая для меня дверцу. – А под лохмотьями сорванца, оказывается, скрывалась настоящая красавица!

Я мгновенно становлюсь пунцовой. Последнее, чего бы мне хотелось, так это чтобы он решил, что я прихорашивалась для него!

Но мужчина понимает моё смущение по-своему.

– Прости, не хотел тебя обидеть. Конечно, ни в каких лохмотьях ты не ходишь... – кажется, он смущается ещё больше

меня.

– Да поняла я вашу шутку, Сергей Дмитрич, – успокаиваю его. – И оценила. Ну какая из меня красавица?!

Я даже глаза закатываю для достоверности, но мужчина лишь странно хмыкает, подпирая меня под локоток.

– Давай помогу забраться.

– Спасибо, – вежливо говорю ему. – Вы прямо настоящий джентльмен.

Он снова хмыкает, помогая мне устроиться на переднем пассажирском сиденье, сам протягивает через меня ремень безопасности. Чтобы защёлкнуть его, мужчине приходится слегка навалиться грудью на моё плечо, при этом его лицо оказывается в опасной близости к зоне декольте, и я задерживаю внезапно взбесившееся дыхание, чтобы ненароком не впечататься грудью прямо в Сергей Дмитрича. Вот это было бы неловко!

От представленной картины я не могу сдержать смешок, и мужчина озадаченно смотрит на меня, щёлкая наконец фиксатором ремня. Я качаю головой и выдыхаю, стоит ему лишь отдалиться.

Сергей Дмитрич шустро огибает капот, устраивается за рулём.

– Готова к приключениям? – подмигивает он мне. Я ничего не могу поделать с улыбкой, которая непроизвольно растягивает мои губы.

– Готова.

– Тогда повеселимся! – усмехается он.

Его взгляд падает на мои колени, и я снова жалею, что надела платье. Решит ещё, что для него принарядилась! А я ведь даже не подумала, как это будет выглядеть со стороны! И, конечно, ничего такого не подразумевала.

Хотела выглядеть прилично, да. Не в спортивном же костюме было ехать? А одежды я с собой взяла не так уж и много.

– Не кусай губы, – вклинивается в мои внутренние переживания вкрадчивый голос Сергей Дмитрича.

– Я не кусаю, – отвечаю на автомате.

– Нет, кусаешь. – возражает он.

– Нет, не кусаю. – упираюсь я.

– А ты, значит, спорить любишь? – смеётся мужчина.

– Нет, не люблю.

– Любишь-любишь, – самодовольно кивает он. – Не надумала ещё, в чём разница между соблюдением правил и их не нарушением?

Я резко поворачиваю голову, встречаясь с ним взглядом. Его глаза смотрят чересчур серьёзно, и я теряюсь. Он запомнил эту глупость?

– Даже не размышляла на эту тему. – сухо заявляю ему.
– И думать забыла.

Мужчина задорно смеётся:

– Такая ты забавная, Юль. Врушка. – Я поджимаю губы и обиженно вздыхаю, и Сергей Дмитрич добавляет: – Это не в

укор тебе говорю. Как есть. Ты забавная, и мне это нравится. И твоё желание спорить тоже. Только врать ты совсем не умеешь.

– Как будто я не знаю! – закатываю глаза, широко улыбаюсь. – Просто меня смутило, что вы запомнили такую незначительную деталь, как глупый спор через три минуты знакомства.

– Формально мы ещё не были знакомы, Юль, – напоминает он.

– Точно! – киваю я.

Сергей Дмитрич присвистывает:

– Что, даже не поспоришь?

– Ну вы же правы, – пожимаю плечами. – Я спорить, может, и люблю, но не идиотка уж совсем, чтобы пускаться в заведомо проигранный спор.

– Тут уже я должен буду сказать, что восхищён тобой! – посмеивается Сергей Дмитрич.

– Не стоит, право слово, – смущённо отмахиваюсь я и концентрирую взгляд на дороге.

Тёплый погожий день, молодые побеги зелени, горы и бесконечный серпантин. Этот вид немного отрезвляет меня. Сергей Дмитрич – взрослый и солидный мужчина, явно небедный, явно неглупый, явно несвободный. Тогда почему разговоры с ним даются мне так легко, словно я знаю его всю жизнь? Почему шуточные комплименты нравятся? Почему мне хочется улыбаться рядом с ним?

Так и не найдя ответов на данные вопросы, я смотрю в окно и слушаю негромкую музыку, льющуюся из аудиосистемы. Путь занимает около получаса, может чуть больше, и вскоре мы тормозим на парковке у красивого здания с башней.

– Приехали, – тихо говорит Сергей Дмитрич, и я с удивлением смотрю на него.

– Мне казалось, вы сказали «посёлок».

– Это и есть посёлок. – с готовностью кивает он. – Просто *чутьточку* курортный.

Я отбрасываю в сторону все сожаления по поводу выбранного наряда, издаю счастливый возглас и распахиваю дверцу.

Довольно посмеиваясь, Сергей Дмитрич покидает салон и успевает меня поймать. Герой. Настоящий мужчина. Джентльмен до мозга костей. Так и привыкнуть недолго!

Первым делом мой спаситель предлагает выпить кофе. Мы как раз проходим мимо уличной веранды кафе. Коричневая плетёная мебель, яркие петунии в коричневых плетёных кашпо, вид на набережную задорно бурлящей горной речушки, красивые, словно пряничные домики, строения, бесконечные горы, синее небо и ослепительный солнечный свет. Мне хочется задержаться, но я не решаюсь ответить согласием. Лишь на мгновение притормаживаю рядышком, чтобы сделать красивый кадр на камеру телефона.

Сергей Дмитрич хорошо ориентируется в посёлке, поэтому сразу ведёт меня на небольшой рынок, где мы покупаем

овощи и фрукты. Я беру понемногу, мужчина же, напротив, забивает небольшие пакеты практически под завязку. «Наверное, – решаю я, – он редко выбирается за покупками, поэтому набирает впрок.»

Я протягиваю свои пакеты продавщице, замечая клубнику в лотках и наклоняюсь, чтобы изучить её поближе. Но взять так и не решаюсь: во-первых, для вкусной клубники ещё совсем не сезон, во-вторых, я не готова заплатить меньше чем за полкило 350 рублей!.. Резко выпрямляюсь и улыбаюсь пожилой женщине.

– Ягоды возьмёте? – спрашивает она. – Вкусные, сладкие, ароматные.

Я качаю головой. Когда и хочется, и колется, наверное, нужно перетерпеть. На пустом месте сомнения не возникают.

Продавщица скоренько взвешивает оставшиеся товары, называет сумму, и я, оплатив свои покупки, освобождаю место для Сергей Дмитрича.

К своим покупкам он просит добавить свежей зелени. Огромные пучки лука, укропа и кинзы накрывают мясистые помидоры, самые дорогие с прилавка, не такие же, что взяла для себя я. Да и огурцы я выбрала длинные, что подешевле, тогда как у моего соседа в пакете доверху насыпаны мелкие, с колючками.

Я подмечаю эти детали на автомате, от скуки. И тут ужасаюсь: вроде ни любопытством, ни мелочностью никогда не

отличалась, а тут... словно с цепи сорвалась! И сама себя перестаю узнавать.

Чтобы не страдать ерундой, я отхожу к следующей палатке, потом к ещё одной. Возле четвёртой или пятой по счёту меня догоняет Сергей Дмитрич и зовёт на мясной ряд.

Он ловко маневрирует между людьми и подходит к определённым торговым точкам: за говядиной в одну палатку, за свиной – в другую, за курицей – в третью.

– Ты уверена, что тебе ничего мясного не нужно? – озадаченно спрашивает он.

– Уверена, – подтверждаю кивком. – Ещё хотела в какой-нибудь сетевой супермаркет заскочить за крупами там, макаронами... Если ещё есть на это время.

– Конечно, – отмахивается он. – Сказал же, не переживай насчёт этого.

А как мне не переживать? Это я в отпуске, а он... вероятно, у него есть дела поважнее, чем возиться со мной.

– Давай закинем покупки в машину только, ладно? А то там вечная проблема с камерами хранения.

Мы возвращаемся на парковку. Сергей Дмитрич сгружает свои пакеты в багажник и забирает мои, чтобы проделать с ними то же самое. А потом снова ведёт меня вниз по набережной.

У кафе с летней верандой мужчина останавливается.

– Знаешь, Юль, я уже совсем не против выпить кофе. Завтракали-то мы давно уже.

Смотрит на меня честным взглядом, вежливо улыбается, но я всё равно чувствую какой-то подвох. Только вот, какой именно, пока не понимаю.

– Ла-а-а-адно, – в итоге протягиваю я. – Вы тогда ступайте попить кофейку, а я прогуляюсь?..

– Ничто не мешает нам взять кофе навынос с какими-нибудь булками и прогуляться. – усмехается Сергей Дмитрич. – Или посидеть немного за столиком, выпить кофе и прогуляться потом.

– Вам так сильно нужна компания? – закатываю глаза.

– Да, очень. Сiju в своём доме один-одинёшенек сутками напролёт, так и одичать недолго.

– Ну-ну, – цокаю я. – То-то я и смотрю, что вы совершенно одичали и уже даже не обращаете внимание на чужие *незначительные* желания.

– Я неплохо разбираюсь в людях и могу определить, когда желание естественно, а когда надуманно из-за мнимых причин. – парирует мужчина. – Не придумывай того, чего нет, Юль.

– Это вы ещё о чём? – с подозрением спрашиваю в ответ.

– О том, что ты мне не мешаешь, не отвлекаешь от важных дел... И вообще, тебе не кажется, что я не звал бы тебя с собой, если бы не хотел? Ни в поездку, ни по магазинам, ни тем более в кафе... Так что предлагаю оставить твоё неудобство для какого-то другого случая, а сейчас просто насладиться этим днём.

Я хочу выдать в ответ что-то такое ёмкое, но понятное. Хочу, чтобы он не думал, что я размышляю о нашей поездке в таком ключе, но не могу сходу подобрать слов, потому что он прав. Едва сдерживаюсь, чтобы не топнуть ногой от досады, но посылаю мужчине милую улыбочку:

– Ладно, ведите меня пить свой кофе. – И он улыбается в ответ.

Мы занимаем лучший столик на открытой веранде. С видом на набережную, все эти домики в европейском пряничном стиле, слоняющихся без дела людей, горы. Вокруг нас яркими кляксами пестрят петунии в плетёных кашпо.

Молоденькая официантка без зазрения совести флиртует с Сергеем Дмитричем, из чего я делаю вывод, что гость он тут, может, и не частый, но примелькаться уже успел. Это, конечно, вовсе не удивительно. Мужчина он видный. На такого сложно не обратить внимание. И это неожиданным образом раздражает меня.

Я утыкаюсь в телефон и проверяю все соцсети. Ленка ни разу не была в сети с момента посадки в самолёт, и все мои сообщения так и остались непросмотренными. Надеюсь, она связалась хотя бы с родителями! И не оставила на всякий случай им мой номер телефона! Чувствую, что история выходит из-под контроля и несётся на всей скорости куда-то в тартарары. Предчувствую, что расшибусь в лепёшку. Но уже поздно что-либо менять. Будь что будет. А с проблемами разберусь потом.

Вернувшаяся официантка с двумя ароматными чашками привлекает моё внимание, и я откладываю телефон в сторону. Девушка ставит передо мной сначала тарелку с замудренным круассаном, потом чашку с густой пенкой, на которой нарисован цветочек. После она проделывает то же самое перед носом у моего соседа. И ставит передо мной блюдо с куском торта.

– Комплимент от заведения для вашей дочери, – кокетливо говорит она Сергей Дмитричу.

Я краснею и резко вбираю в рот воздух, задыхаясь от возмущения, но меня сбивает с толку мягкий смех мужчины.

– Спасибо, очень тронуты вашим знаком внимания, но моя спутница не моя дочь.

И вроде бы говорит всё это спокойно, сдержанно, без каких-либо интонационных намёков, но я чувствую, как жар приливает к моему лицу. И смущаюсь ещё больше быстрого взгляда официантки, после которого она скрывается, оставляя нас наедине.

– Сергей Дмитриевич, ну зачем вы так?.. – шепчу я, склоняясь над столом.

Он поднимает на меня внимательный взгляд, смотрит в глаза, скользит чуть ниже.

– Как так, Юль? – усмехается он. – Просто сказал правду?

– Некоторым людям нравится заблуждаться. Ну подумаешь, решила та девушка, что я ваша дочь, и что с того? – завожусь я. – Вы же просто не оставили ей ни единого шанса

на мечты! Разбили сердце! Может, эта девушка – ваша судьба? Но теперь вы никогда этого не узнаете... Ну кому нужна такая правда?

Он скептически изгибает бровь и спрашивает:

– А вдруг, в таком случае, случится обратная ситуация?

– Это какая? – протягиваю я, не чувствуя никакого подвоха.

– А вдруг из-за маленькой лжи, что ты моя дочь, и романа с официанткой я упущу свою *настоящую* судьбу? Шанс быть с тобой?

Я, делаящая в этот момент глоток кофе, шумно закашливаюсь. Горячий напиток брызгает во все стороны изо рта и носа, глаза наполняются слезами. Я тянусь рукой до подставки с салфетками, но задеваю чашку, которая переворачивается, и вся жидкость летит на стол.

Сергей Дмитрич бросается ко мне, одновременно хлопая по спине и вытирая стол и меня салфетками, действует быстро, сгребая их с соседних столиков.

Откашлявшись, я поднимаю слезящиеся глаза на мужчину и выдавливаю охрипшим голосом:

– Наверно, не так вы себе представляли настоящую судьбу, Сергей Дмитриевич?

Мгновение он непонимающе смотрит на меня, но в следующую секунду мы оба взрываемся от смеха. Мой залиvistый звонкий хохот сливается с его грубовато-лающим, и мне нравится, как звучит этот унисон.

Мужская ладонь сначала прекращает осторожные хлопки по спине, замирая где-то между моих лопаток, а потом медленно смещается выше. Толстые пальцы обхватывают шею, и смех резко прекращается. Воцаряется тишина.

Мужчина наклоняется ближе к моему лицу. Его дыхание тяжелеет. Горячее и тарахтящее, оно жалит мою кожу, разжигая под ней настоящий огонь.

– Что?.. – еле слышно шепчу я. – Что вы делаете?..

Удерживая мою голову, Сергей Дмитрич касается кончиками пальцев другой руки моего подбородка, губ, щеки. Чувствую себя странно.словно тысячи муравьишек кидаются врассыпную по всему телу.словно внутри роятся и жужжат сотни пчёл.

– Вся перепачкалась, Юль, – сдавленно шепчет Сергей Дмитрич.

Лёгкими, невесомыми мазками мужчина стирает остатки кофе, слёз, слюней, и я не хочу думать, чего ещё. Хочу лишь, чтобы это продолжалось как можно дольше.

Но он отстраняется быстрее, чем я успеваю додумать эту мысль.

– Вот так-то лучше, – усмехается сосед.

– Спасибо, – нервно говорю ему.

Он стремительно возвращается на своё место, подзывает официантку, которая живо прибирает учинённый мной беспорядок и приносит свежую чашку кофе. Не сразу я понимаю, что Сергей Дмитрич... избегает смотреть на меня. Что

происходит? Что тут, блин, вообще происходит?!

Глава 4. Сергей Дмитрич

Вам знакомо чувство, когда невинная шалость вырывается из-под контроля? Именно это я сейчас и испытываю.

Подруга дочери позабавила меня. С самых первых секунд нашей неожиданной встречи и до этого момента градус настроения скакал как электрокардиограмма.

Поначалу обозлился, решил проучить девчонку, чтобы в другой раз думала своими мозгами, а не велась на поводу взбалмошной подружки. Да только доля истины в её словах отрезвила мою прыть.

За ночь я остыл, связался с Лютаевым, проверил жилище соседа. Поживёт Юля там, решил я, а Ленку выдеру, как в пятом классе. Вот пусть только вернётся из своего романтического путешествия!..

Поездка за продуктами снова вывернула градус моего личного напряжения на полную мощность. Крошечная Юлька, по всей видимости, привыкла экономить на всём, и это причиняло настоящий физический дискомфорт. Порадовался вдруг, что Ленка приютила эту недотрогу и она не соседствует с клопами в общежитии. Что обе девочки не знают нужды – уж об этом я забочусь как следует. Вот и сейчас: накопил разной снеди в надежде, что удастся что-то подсунуть студентке.

Решил зачем-то накормить её в кафе. Точнее, зачем, знаю.

Уж больно худая да вся угловатая эта Юлька. Одни глаза на пол лица. Огромные. Серо-голубые. Нереальные какие-то глаза. Смотрит ими, что до костей пробирает. Порочно и жалобно. Дикое сочетание, противоестественное. До той степени притягательное, что как дурного манит глядеть в них. Вроде, умом понимаю, что девочка совсем, однокурсница дочки, и печаль в глазах детская ещё совсем, словно обидел кто, игрушку отнял или конфету. Но чаще взгляд осознанный, взрослый, познавший жизнь. Обескураживает.

А флирт её неумелый? Смешит, хоть и лестно. Ну какому мужику было бы не лестно, что такая славная девчушка строит глазки – невероятные эти блюдца в обрамлении длинных ресниц? Когда тебе за сорок, кровь кипит только от одного вида заигрывающей девушки! Даже фантазировать не надо. Вот она, ожившая фантазия. Ресницами хлопает, краснеет смущённо, губы облизывает. Чёртовы губы... Пухлые, словно созданные для поцелуев. И повезёт же кому-то!..

Так вот, я отвлёкся. Сидит передо мной девочка Юля, жеманничает. То ли наигранное, то ли природное, пока не раскусил. И как тут удержаться-то было? Невозможно же!

Пошутил малость. Подразнить хотел. А теперь чувствую себя в дураках.

Что это за шалость, если мысли дурные в голове вспыхнули и покоя не дают? Что это за шалость, если кожа под пальцами нежнее тончайшего шёлка? Если хочется толкнуться пальцами между мягких подушечек губ? Если нестерпимо

хочется сделать хоть что-то, лишь бы не смотрела так просяще?..

Наваждение, не иначе. Или кризис среднего возраста меня достал, вот и отшибло напрочь мозги. Да у кого бы не отшибло? Всю дорогу любовался острыми коленями, юбка никчёмная ни черта не помогала. Красивые стройные ноги по-настоящему прекрасной девушки в том прелестном возрасте, когда наступает самое цветение, когда место несуразного подростка занимает молодая женщина, невольно привлекали мой взгляд. Девочка Юля шла вдоль продуктовых рядов рынка, а я блуждал глазами по ногам, тайком посматривая, как колыхается короткая юбка на округлостях ягодиц. Чарующий вид, стоит признать.

А теперь я испытываю неловкость. И шутка кажется неуместной, и прикосновения к ней. Да и вообще... какого чёрта я творю? Девчонке девятнадцать, как и Лене. Я должен просто поддержать подружку своей непутёвой дочки. Просто. Поддержать. Продуктов там купить. Отвезти, привезти, не знаю, куда ей захочется. Помочь по дому, если возникнут проблемы. А не вот это вот всё.

Шутки свои неуместные засунуть куда подальше. Не будить лихо... Не...

– Сергей Дмитриевич, – звенит колокольчиками её голос.
– С вами всё в порядке?

Я поднимаю глаза на Юлю и тону в невозможно-печальном взгляде.

– Да, конечно. Просто решил последовать знаменитому совету: когда я ем, я глух и нем.

– Ох! – она закусывает нижнюю губу. – Было бы здорово, вспомни вы о нём немного ранее. Мне бы не было теперь так неловко, что я перепачкала всё вокруг.

Я поджимаю губы, сдерживая улыбку. Но это тщетно. Невозможно удержаться. Только не рядом с ней.

Девочка Юля, что же ты со мной делаешь? Весна на душе расцветает рядом с тобой.

Позже мы идём вдоль набережной в сторону супермаркета. Моя спутница делает несколько кадров, просит сфотографировать её. Я ловлю в объектив улыбающееся лицо, выпирающие ключицы, острые грудки. Чуть приближаю и разглядываю очертания торчащих сосков, прежде чем снова отдалить и сделать наконец пару приличных фото.

Не подозревая ничего о моих *шалостях*, Юля подбегает и выхватывает свой телефон из моих рук, мгновенно открывая галерею и рассматривая свежие фото.

– Ого! – счастливо вздыхает она. – Да у вас талант, Сергей Дмитрич! Вы такой удачный ракурс поймали... Я прямо-таки красавица получилась!

Я заглядываю в телефон и сухо говорю:

– Это было несложно, потому что ты и есть красавица.

– Скажете тоже, – становясь пунцовой, лепечет девушка, робко отодвигаясь от меня.

– Уж как есть, – пожимаю плечами, начиная двигаться

дальше.

Иду нарочно медленно, дав ей возможность обогнать, пойти вперёд своей летящей походкой, чтобы иметь возможность снова сосредоточить взгляд на лёгких колыханиях юбки на бёдрах, созерцать длинные ноги, тонкие лодыжки...

– Сергей Дмитриевич, – поравнявшись со мной, девушка не торопится обгонять. – Спасибо, что взяли меня с собой. Здесь так здорово! Да и я, такая растяпа, представляете? Совершенно не подумала о том, чем буду питаться все эти дни отпуска.

– Прекрасно, когда можно совместить приятное с полезным, – отзываюсь я.

– Да, отлично. – она вздыхает, и я скашиваю взгляд на её сосредоточенный профиль. – Нам, наверное, скоро уже пора возвращаться?

– Время ещё есть, – успокаиваю её. – А что ты хочешь?

– Я видела вон там, – Юля показывает пальчиком направление, – канатную дорогу. Всегда мечтала прокатиться, вот и подумала, если вы не торопитесь, может, подождёте, пока я съезжу туда-обратно?

Девушка бесхитростно смотрит на меня в ожидании ответа. В глазах – живой интерес, любопытство и малая толика нетерпения, и мне не хочется разочаровывать её.

– Хорошо, – соглашаюсь я. – Только я еду с тобой.

«И покупаю билеты.» – додумываю мысленно.

– Ой, – пищит Юлька, прикладывая ладошки к стреми-

тельно алеющим щекам. – Ну что вы? Я совсем не хочу вас напрягать. Не нужно вам со мной нянчиться, я не ребёнок, не заблужусь и не потеряюсь!

– Это я заметил, – бросаю с усмешкой. – И это же и пугает. Попадёшь ещё в какую переделку...

– Ни в какую переделку я не попаду! – обижается она, очаровательно надувая свои пухлые губки.

– Юль, твоё путешествие в одиночестве уже само по себе переделка. Не нужно рисковать лишний раз. Ты – хорошенькая молодая женщина, и кому-то может показаться, что этого вполне достаточно, чтобы сотворить с тобой... *всякое*.

Под конец своей пламенной речи я на взводе. Почему эти глупые девчонки ничего не хотят замечать? Люди пропадают десятками, женщины пропадают. Девушек в коротких юбчонках насилуют, потому что «сама дура виновата». Якобы. Только потому что какой-то мудака вдруг решил, что короткая юбка и привлекательная внешность это грёбаное приглашение, позволение делать всё, что ему заблагорассудится!.. Так бы и душил гадов голыми руками!.. Особенно, когда такие вот девочки, вроде Юли или моей дочки Лены, беспечно слоняются где ни попадя, совершенно не задумываясь о возможных плачевных последствиях.

Юлька смотрит на меня своими огромными глазами, без страха, но с проблесками понимания, жуёт нижнюю губу пару мгновений и кивает.

– Да ладно-ладно, можете ехать со мной, если делать нече-

го!

Я едва сдерживаю смешок.

– Ну спасибо, что разрешила.

– Пожалуйста. – улыбается девушка. – Мне совсем ни капельки не жалко.

В этот момент мы достигаем нашей цели. Супермаркет, куда я держал курс, расположен на другой стороне дороги. Двухполосное движение, не слишком оживлённое, позволяет нам спокойно перейти улицу, игнорируя расположенный метрах в двухстах пешеходный переход.

Я смотрю по сторонам, а Юлька беспечно ступает на дорожное полотно. Я иду следом, отмечая краем глаза вырывающуюся на огромной скорости из-за резкого поворота машину.

Не думая ни секунды, хватаю свою крошечную спутницу поперёк тела, с лёгкостью отрывая от земли, и делаю несколько шагов обратно к тротуару.

– Ай, – визжит Юля. – Сергей Дмитрич, вы чего?

– Того, – передразниваю, ставя её обратно на твёрдую поверхность асфальта.

И только тогда замечаю, что моя ладонь лежит ровнёхонько поверх левого полушария упругой девичьей груди, а сама грудь... лежит в ладони чертовски идеально. И ощущается просто восхитительно. Вес, размер, объём...

Сердце Юльки трепещется, словно птичка колибри бьется о прутья клетки, и я тяжело вздыхаю, на мгновение прикры-

вая глаза, прежде чем убрать свою руку с хрупкого женского тела. Но из природного упрямства до последнего скольжу по этому самому телу кончиками пальцев, которыми и делаю два удивительных открытия: Юля не носит бюстгальтер; у Юли набухли соски.

Я усмехаюсь своим греховным мыслям, тут же натываясь на сосредоточенный взгляд серо-голубых глаз, и подмигиваю девушке.

– Решил, что безопасней перейти по зебре. Здесь все на таких скоростях гоняют, Юль, так и пропасть недолго.

– Да? – с сомнением протягивает она.

– Ага, – глухо отзываюсь я, обхватывая острый локоток и утягивая её в сторону.

Только бы меня не понесло на таких скоростях да в сторону пропасти. Той пропасти, где больше нельзя будет отмотать назад. Где будет пройдена точка невозврата. Где моё желание обладать возьмёт верх над здравым смыслом.

Кондиционированный воздух супермаркета немного охлаждает мой мозг. Я беру тележку и направляюсь к рядам с макаронами и крупами, что и собиралась прикупить Юля.

Она критически осматривает ценники и, в итоге, берёт какую-то копеечную вермишель, гречку и геркулес. Скромно складывает с самого края тележки и мельком смотрит на меня.

– Вы что-то будете брать? Мне нужно ещё в молочный и колбасный отделы...

Я задумчиво подхватываю в руки её пачку вермишели и изучаю состав. Девушка нерешительно мнётся рядом с тележкой, а я не хочу мучить её слишком долго.

– Смотри, – киваю в сторону полки, где ровными стопками выложены синие бумажные коробки. – Вот на эти макароны и спагетти сейчас действует акция. Получается немногим дороже, чем твоя вермишель, но они из муки грубого помола высшего сорта, значит, куда полезней.

– Я знаю, – она закатывает глаза. – Обычно такие и ем.

Конечно, такие и ест. Потому что доставка привозит им с Леной именно такие.

– Однако сейчас ты берёшь другие..? – улыбаюсь я.

– Слушайте, вот неужели вам реально заняться нечем, как задаваться вопросами моего питания? – вспыхивает Юлька. – У меня поездка незапланированная, и я экономлю бюджет, ясно?

– Ясно, – вздыхаю я. – Только у тебя это странно выходит.

– Это ещё почему? – осекается она.

– Вот смотри, ты берёшь упаковку, меньшую по весу на 130 граммов по цене 56 рублей за пачку. Итого за грамм выходит около 12 с половиной рублей. – Я устраиваю пачку вермишели обратно на полку и беру синюю коробку спагетти. – В этой пачке уже не 450 грамм, а 580. По акции цена 70 рублей за пачку. А из расчёта за один грамм получается почти на 40 копеек дешевле. Это пример из банальной сравнительной математики, но разве ж кто-то будет сверять до

граммов? Пузатый пакет за меньшие деньги внушает больше доверия в целях экономии, чем плоская картонная коробка более дорогого бренда, и получается, что мы сами себя обманываем, а маркетологи успешно этим пользуются. Не всегда, покупая более дешево, получается сэкономить, Юля. В чём-то недоберёшь весом и переплатишь, где-то схватишь некачественный продукт и посадишь здоровье, что приведёт к дополнительным тратам в аптеке. Всё нужно делать с умом, даже экономить. Лучше взять полкило помидоров, но дороже и качественней, чем килограмм, но дешевле, но резиновых. Ни пользы, ни наслаждения такая покупка тебе не принесёт, и деньги окажутся потраченными впустую.

– Благодарю за лекцию, Сергей Дмитрич, – сухо говорит девушка и, разворачиваясь на пятках, уходит от меня в другой отдел.

Я меняю пачки из тележки на аналоги, которые устраивают меня, и нахожу Юлю возле холодильника. Не подхожу близко, только наблюдаю со стороны, как она сравнивает товары и цены.

Мы трижды перемещаемся по огромному залу, и наконец с покупками покончено. Я пристраиваюсь в конец очереди на кассу, Юлька разглядывает акционные товары и неожиданно заявляет:

– Я кое-что забыла, выходите из очереди! – И улетаёт в недра торгового зала.

Передо мной один человек, и выходить из очереди я, ко-

нечно, не планирую. Выкладываю покупки на подвижную ленту. Юли нет. Даже вздыхаю с облегчением, когда кассир начинает пробивать товары. Быстро рассовываю их по пакетам, прикладываю карту, оплачивая покупки, и ко мне торопливо возвращается маленькая спутница.

– Ой, ну вы чего, Сергей Дмитрич? – злится она. Даже ножкой топает. Я поджимаю губы, чтобы не рассмеяться и ввожу пин-код.

– Пробеите, пожалуйста, ещё вот это, – киваю кассиру. – Давай свои покупки, Юль.

Она нехотя вклинивается между мной и кассиром, протягивая какие-то бутылки и брусочек мыла. Шампунь, бальзам для волос, гель для душа, капсулы для стирки белья. Всё это быстро пробивается сотрудником и исчезает в недрах моего пакета.

– Оплата картой или наличными?

– Картой, пожалуйста, – отзывается Юля на вопрос кассира и начинает ковыряться в маленькой сумочке.

Пока она ищет карту, экран терминала загорается, и я протягиваю руку с зажатой картой и прикладываю её. Юля не глядя тычет карточкой в мои пальцы, а, обратив внимание, насупливается, но молча идёт на выход.

И лишь на улице грозным котёнком бросается на меня.

– Вы просто несносный, знаете? Разве ж это прилично – оплачивать чужие покупки? Разве ж вас об этом просили? Нет, у меня просто нет слов!.. Диктуйте номер, я сейчас вам

всё переведу.

– Я не хотел стоять в очереди ещё раз, уж прости, – при-
творно вздыхаю я. – Но, чтобы ты не расстраивалась, давай
поступим так: ты не будешь возвращать мне деньги за по-
купки, но оплатишь билет на канатную дорогу?

Она закатывает глаза, словно я предлагаю что-то непри-
личное, но сдержанно кивает.

– Ладушки.

Мы проделываем обратный путь по набережной до пар-
ковки. Я загружаю очередные пакеты в багажник, и мы до-
ходим до ратуши и пересекаем мост через реку, а там рукой
подать до станции подъёмника.

Мы дожидаемся своей очереди к кассе, и Юлия протиски-
вается вперёд.

– Два билета, пожалуйста, – говорит она.

Кассир выбивает билеты, девушка, донельзя довольная
собой, расплачивается и поворачивается ко мне, расплыва-
ясь в улыбке.

– Один-один, Сергей Дмитрич!

– А мы в чём-то соревновались? – ухмыляюсь я.

– Да нет, – она пожимает плечами. – Просто не привыкла
быть кому-то обязанной. Я сама забочусь о себе, в основном.
Поэтому сравнение счёта для меня сродни облегчению, да и
побеждать я всё же люблю.

– Сравнять счёт не равно одержать победу, – поучительно
говорю ей. – Посмотрим, кто в итоге положит кого на лопат-

ки.

Ох, крошка, опасную игру ты затеяла, да и противника выбрала в неравной весовой категории!

Глава 5.

– Ну как? Понравилась прогулка? – с усмешкой спрашивает Сергей Дмитрич.

Мы покидаем горный посёлок на закате. Посёлок, ага, как же! Горнолыжный курорт!

– Угу, – киваю я.

Сергей Дмитрич мельком смотрит на мои колени, и я перебарываю желание одёрнуть вниз короткий подол платья. Это бесполезно!

Прогулка мне понравилась, несмотря на *некоторые* нюансы. Что сам посёлок, что неторопливая поездка в стеклянной капсуле канатной дороги, что навязчивое общество Ленкиного соседа.

Всю дорогу до вершины, когда я любовалась великолепным видом, он не сводил с меня своих тёмных глаз, а я усиленно делала вид, что ничего не замечаю.

После всего того, что произошло ранее, взгляды мужчины волновали меня больше, чем я готова была показать. Поэтому усиленно игнорировала. И чем больше я *не замечала*, тем меньше он старался делать это незаметно, всё чаще задерживаясь на моей груди сверх каких-либо норм приличий.

Под его бесстыдными взглядами и от моих собственных воспоминаний соски, сморщенные в тугие узелки, ныли, причиняя дискомфорт от соприкосновения с хлопковым

платьем, и от этого трения по коже разбегались мурашки.

Я не глупа и не наивна, как может показаться на первый взгляд, и практиковала петтинг с парочкой своих парней со времён старшей школы. Впрочем, только его. Я никогда не решалась заходить дальше ласк, хотя многие мои знакомые вовсю развлекались с парнями подобным образом. Просто у меня не было на это ни времени, ни желания. Ни разу я не испытывала нестерпимого желания зайти дальше. Мне было *приятно*, но я не испытывала настоящего удовольствия. И никогда не чувствовала возбуждения такой силы, как сейчас, когда сидела в кабинке горной карусели.

И причина была проста и понятна, как дважды два. Случайное и нелепое прикосновение Сергей Дмитрича к моей груди, толстые пальцы, цепляющие сосок, у супермаркета и пламенные взгляды сейчас. Засиделась я в девках, да. Вот и расплываюсь лужицей перед первым попавшимся приличным мужчиной, который проявил по отношению ко мне заботу и, в какой-то степени, интерес.

Чтобы избежать разговоров, я прикрываю глаза. Не хочется прослыть дурой в глазах соседа, если не смогу контролировать своё поведение. Если начну флиртовать и заигрывать. Это будет выглядеть странно, неумело и неуместно, как минимум. И не приведёт ни к чему хорошему, в конечном итоге.

Видимо, я задремала в дороге, потому что будит меня горячее прикосновение широкой ладони, когда Сергей Дмит-

рич накрывает мою руку. Аккуратное, осторожное пожатие отправляет нервную дрожь по венам, и я открываю глаза.

– Приехали, соня, – тихо говорит мужчина и убирает свою руку, скользя кончиками пальцев по моей коже.

– Уже? – смущённо зевая, глупо переспрашиваю у него. – Даже не заметила, как уснула.

– Это воздействие горного воздуха, – умничает сосед. – С непривычки всегда так.

Я не знаю, что сказать. Оглядываюсь по сторонам и обнаруживаю, что мы стоим на дорожке возле дома Ленкиных родителей.

– Спасибо за поездку... и компанию. – Я берусь за ручку дверцы.

– И тебе спасибо, Юль. Я помогу.

Он подразумевает всё и сразу. Помогает мне спрыгнуть на асфальт с высокой подножки его огромного кузова, достаёт из багажника мои пакеты и доносит: сначала до двери, потом до кухонного стола.

Я провожаю его до выхода и мнусь, не зная, что сказать на прощание.

– Обращайся, если нужна будет какая-либо помощь, – серьёзно смотрит на меня сосед. – Любая, Юль. Обращайся.

Он стремительно покидает моё временное жилище, а я, так и не найдя подходящих слов, закрываюсь на все обороты и иду разбирать покупки.

Вот только в пакетах обнаруживается много всего *лишние*-

Я со злостью швыряю подачки надоедливого соседа в один пакет и, громко топая, иду к его двери.

Он открывает не сразу. Рубашка расстёгнута, и я обалдевше смотрю на крепкий торс. Совершенно не юношеский, покрытый грубыми тёмными волосами, сбегаящими под стильный кожаный ремень. Не качок, совсем нет. Но и не дряблый старикан, как представляются абсолютно все мужики за тридцать. Даже в расслабленном состоянии читается сила и мощь его стальных мышц.

– Юля? – первым отмирает он, делая шаг вперёд. От этого движения дёргается его грудь с тёмными, коричневыми сосками и ореолами тоном светлее.

Я не могу оторвать от них взгляда, и это страшно бесит меня.

Я поднимаю пакет и ударяю им прямо в центр этой чёртовой грудной клетки.

– Не знаю, что вы затеяли, Сергей Дмитрич, но это ваше. – выплёвываю ему в лицо. – Мне подачки не нужны.

Вместо пакета этот нахал хватает мою руку, удерживая меня на месте.

– А это никакие и не подачки, – чеканит он. – Угощение. – Угощение? – возмущённый вопль срывается с моих губ, и я пыхчу как паровоз. – Знаете что? Берите-ка своё угощение и катитесь вместе с ним куда подальше...

– Что, не можешь принять тот факт, что кто-то безвоз-

мездно может захотеть позаботиться о тебе? – говорит почти грубо. – Безо всяких намёков, подтекстов и так далее? Еда, Юля. Это просто еда. Ты сказала, что сэкономишь, я могу себе позволить...

– Нет, не можете. Нельзя просто подсовывать свои продукты в чужие пакеты. Это... это некультурно! – заявляю ему.

– Значит, я некультурный. – бросает он в ответ. – Я всё решил и сделал так, как посчитал нужным. Назад ничего не возьму, можешь, выбросить, раз такая принципиальная.

Он отпускает меня так же резко, как схватил. Отлично! Ещё и я крайней оказалась!

Я поджимаю губы, раздумывая, как поступить. Что-то подсказывает мне, что мужчина не шутит. И не примет назад свои покупки. А выбросить хорошие продукты у меня в жизни не поднимется рука. И мне не остаётся ничего, кроме как забрать их с собой. Можно, конечно, оставить пакет у него под дверь, да проку от этого будет мало. Если только...

– В восемь. У меня. – требовательно говорю соседу, намекая, что возражения не принимаются. – Сегодня я угощаю вас ужином.

Когда по дому разливается трель звонка, я быстро сбрасываю фартук, пристраивая его на крючке, приглаживаю волосы, устремляя быстрый взгляд на своё отражение в глянцевої поверхности кухонного гарнитура и кидаюсь открыть дверь.

Я нервничаю. С одной стороны, меня волнует, понравится ли Сергей Дмитричу моя стряпня. С другой – на кой чёрт я вообще его позвала? Глупая я, глупая! И язык мой глупый!

Я распахиваю дверь настежь и с удивлением смотрю на мужчину. Нет, я, конечно, принарядилась к ужину: в спортивках встречать гостя мне показалось как-то нелепо, в джинсах – чересчур по-простецки, вот и надела простенькое чёрное платье в белый горошек. Но мой сосед явился в безукоризненно выглаженном костюме, белоснежной рубашке и даже с букетом вызывающе-красных роз.

Они бросаются в глаза первыми. Слишком яркие. Целая охапка. Навскидку штук 25, не меньше. Меня смущают цветы в мужской руке. Чувствуя, как начинают гореть мои щёки, отвожу взгляд и натыкаюсь на упаковку клубники, которую он держит в другой руке, и зажатую в подмышке бутылку вина.

– Добрый вечер, Юля, – с улыбкой говорит Сергей Дмитрич, и я киваю вглубь дома.

– Проходите, пожалуйста.

– Спасибо. – Мужчина в один шаг достигает меня и протягивает цветы. – Было бы крайне неловко явиться к тебе с пустыми руками. Возможно, по правилам этикета воспитанным мужчинам не принято дарить розы столь очаровательным и юным особам, но раз уж мы уяснили ранее, что я не очень культурный, то на большее моей фантазии не хватило.

– Они великолепны, – чуть обиженно заверяю его. Слова

Сергей Дмитрича звучат настоящей издёвкой.

Я перехватываю у него букет, утопая лицом в крепких головках с прохладными лепестками. Дивный аромат нравится мне, и я улыбаюсь. Но миг становлюсь серьёзной, натываясь на внимательный тёмный взгляд.

– Ещё я прихватил бутылочку вина и десерт, – заканчивает он.

– Спасибо. Это чудесно.

Я провожу гостя в кухню, где уже накрыт стол с нехитрыми угощениями.

Пока я ищу вазу, Сергей Дмитриевич находит в шкафах штопор и бокалы. Я наполняю высокую стеклянную посудину, наблюдая, как длинные и толстые пальцы с ловкостью справляются с пробкой, как в бокалы струится тёмно-бордовая жидкость.

Он выставляет бокалы рядом с напиши тарелками, ставит на край стола початую бутылку и подносит мне цветы, устранивая их в вазу.

Его руки ложатся на прозрачное стекло рядом с моими. Задевая мои. Микроразряды тока ударяют по коже и струятся по венам. Меня кидает в жар и пробирает озноб. Сердце устремляется ввысь, к самому горлу, затрудняя дыхание, и я, кажется, так и раскрываю рот. Словно маленькая, глупая рыбка.

– Давай помогу, – улыбается мужчина, ловко выхватывая из моих рук вазу.

Он пристраивает её по краю стола, рядом с бутылкой, и поднимает на меня взгляд.

– Прошу, садитесь, – киваю ему, и мужчина выбирает себе одно из двух мест.

Я извлекаю из духовки блюдо, которое оставила в тепле до прихода гостя, и выставляю его в центр стола. И с волнением устраиваюсь напротив соседа.

– За прекрасный вечер? – поднимает он свой бокал.

Я легонько ударяю по его бокалу своим и делаю нервный глоток. Не представляю, как вынесу этот ужин, если от смущения мне хочется провалиться под землю и кусок не лезет в горло!..

После лёгкого овощного салата и брускетт, которые сделала на скорую руку из тёртого сыра, яиц, чеснока и помидоров, я подаю спагетти с томатным соусом и куриные рулетики с морковью и луком. Всё очень простое, совершенно не изысканные блюда, к каким, как мне кажется, привык Сергей Дмитрич.

Но лицо он не кривит, пробует с изрядной долей любопытства и предвкушения. Когда он отправляет в рот первую вилку макарон и надрезает ножом рулетик, я задерживаю дыхание.

Никогда прежде я не готовила для мужчины. Да и, в целом, за всю жизнь готовила всего для трёх человек, одним из которых была я сама, вторым – мама, третьим – Ленка. И никому из них до этого не приходило в голову критиковать

мою готовку. Даже Ленке, привыкшей питаться ресторанной едой. Но сейчас я близка к панике.

Сергей Дмитрич медленно жуёт, отпивает глоток вина, вытирает рот салфеткой.

– Ничего вкуснее в жизни не пробовал, – говорит наконец.

Чувствуя облегчение, залпом осушаю остатки в бокале и говорю:

– Ой, да ладно вам! – с усмешкой закатываю глаза. – Уж наверняка в мишленовских ресторанах готовят куда лучше, но за комплимент спасибо. Очень мило с вашей стороны, Сергей Дмитриевич!

– Вот же маленькая язва! – по-доброму усмехается он в ответ. – Просто вынуждаешь меня... ну, ладно, сама напросилась.

– На что? – с любопытством спрашиваю у него.

– Ты великолепно готовишь, Юль. Просто пальчики оближешь. А знание, что такая хорошенькая девочка специально для меня расстаралась, чтобы вкусно и сытно накормить, добавляет ещё сто очков к твоим кулинарным талантам!

Слова Сергей Дмитрича меня смущают. И нравятся, что уж там!.. Губы предательски расползаются в улыбочку, а щёки покрываются густым румянцем.

– А ещё я сто лет не ел настоящей домашней еды, которую готовит кто-то другой, и я вполне доволен, что этот кто-то – такая красивая девушка. Просто загляденье! – подмигивает мне мужчина.

Взгляд карих глаз, таких тёмных, обжигающих и завлекающих, смотрит серьёзно, и я понимаю, что он и не думает насмеяться. Говорит, что думает. Сердце делает кульбит, устремляясь куда-то к самому горлу.

– Спасибо, – выдавливаю я с трудом.

Сергей Дмитрич сдержанно улыбается, разливает вино по бокалам и продолжает есть. А я приговариваю очередной бокал.

От волнения не могу заставить себя съесть хотя бы кусочек. Мне кажется, непременно подавлюсь или ещё чего похуже! Но мужчина уплетает за обе щеки, с таким аппетитом, что я отбрасываю страхи в сторону и медленно начинаю есть.

Постепенно я расслабляюсь и даже втягиваюсь: и в этот ужин, в этот вечер, и в осторожные гляделки между нами. Быстро стреляю глазами в сторону мужчины напротив и поспешно отвожу взгляд, стоит ему только посмотреть на меня в ответ. Раз, другой, третий... И вот уже он улыбаясь поджидает мой взгляд. И я улыбаюсь в ответ.

Когда с основными блюдами покончено, я загружаю посудомоечную машину и сажусь обратно за стол. Теперь, когда ужин съеден, мне нечем занять свои руки. Сергей Дмитрич доликает остатки вина в бокалы и придвигает в центр стола клубнику.

– Скушай ягодку, Юль, – говорит с лёгкой улыбкой.

Я качаю головой.

– Ещё рано для клубники. – Он удивлённо округляет гла-

за. — Для вкусной клубники.

Сергей Дмитрич отщипывает зелень с кончика и отправляет одну ягоду себе в рот.

— Вполне вкусно, — хмыкает он.

Подхватывает следующую и протягивает её прямо к моим губам. Отбирать у него клубнику, чтобы засунуть её в рот, глупо, и я аккуратно откусываю чуть ниже хвостика... у самых пальцев мужчины, невольно задевая самые кончики губами.

От этого крошечного прикосновения по телу словно проходит микроразряд тока. Я торопливо отстраняюсь и глотаю ягоду, практически не пережёвывая. И тут же закашливаюсь подавившись.

Сергей Дмитрич подпрыгивает с места, несильно хлопая мне по спине несколько раз, и наклоняется, заглядывая в глаза.

— Нужно быть аккуратнее, Юль. Жива?

— Жива, — выдыхаю осиплым шёпотом.

Сергей Дмитрич так близко, что я чувствую на коже его дыхание. Оно горячее, шумное. От него кидает в жар, бегут мурашки.

Он медленно наклоняется чуть ближе, протягивает руку и проводит большим пальцем по моим губам.

— Испачкалась, — глухо поясняет он, не убирая руки.

Пульс частит в ушах. Кровь несётся по венам. Но я сижу, словно перед удавом, который хочет меня сожрать... Воз-

можно, так и есть.

Сергей Дмитрич наклоняется ещё ближе.

– Вся испачкалась, Юль. – говорит одними губами. От грохота сердца в ушах я могу только читать по губам. Мне кажется, что он меня сейчас поцелует. Эта сцена слишком напоминает секунды до поцелуя. И я... хочу его получить...

Но сосед плавно отстраняется.

– Теперь чистая.

Что это, блин, сейчас было?

Я смотрю на мужчину во все глаза, а он не сводит взгляда с меня. Тёмного взгляда, полного таких желаний, о которых мне известно только в теории.

Но вот он на секунду прикрывает глаза, успокаивая шторм внутри, и говорит:

– Лопай клубнику, Юль, а я, пожалуй, пойду.

– Может, чаю? – лепечу я.

Глупая-глупая, зачем испытывать судьбу? Хочет человек уйти – не нужно останавливать. Да и зачем?..

– Чаю? – усмехается Сергей Дмитрич. – Чаю можно.

Я, испытывая одновременно облегчение и трепетное волнение, суетливо бросаюсь к плите, ставя чайник,ставляю на стол птичье молоко, чашки.

– Ты очень хозяйственная, – протягивает сосед.

По его тону непонятно, ставит ли он это в укор или же делает комплимент. Я сминая в руках салфетку, не зная, что отвечать, не понимая, ждёт ли он ответа.

– Где научилась так готовить? – продолжает сосед. – Мама?.. Бабушка?..

– Сама, – пожимаю я плечами. – Сколько себя помню, приходилось самостоятельно готовить, вот и пришлось учиться методом проб и ошибок. Кому охота есть отвратительную пищу, верно?

Я посылаю мужчине улыбочку, но он не улыбается в ответ.

– Верно, – кивает он. – Родители были заняты работой? А бабушек, дедушек поблизости не было?

Я смущаюсь.

– У меня была... есть только мама, но ей было не до того.

– Понимаю, – быстро говорит мужчина. – Иногда родители вынуждены бросить все силы на то, чтобы обеспечить своих детей.

– Да, иногда – да. – усмехаюсь я. И неожиданно для самой себя говорю ему правду: – Но это не про меня. Моя мать сильно пьёт. Всегда пила. И ей никогда не было дела, что я ем и как существую. Лет с пяти я забочусь о себе сама, поэтому и научилась сносно готовить.

– Мне очень жаль, Юля, – тихо говорит Сергей Дмитрич. Он выглядит задумчивым, и я жалею, что не сдержалась. Никому не интересно слушать о чужих проблемах! – Есть ли кто-то в твоей жизни, кто заботится о тебе сейчас?

– Думаю, Лена, в какой-то степени. Ну, это моя подруга. Мне не приходится беспокоиться о крыше над головой, всегда полный холодильник. – Я пожимаю плечами. – Нет, если

бы не она, я бы жила в общежитии и обеспечивала себя сама. С этим нет проблем, но благодаря Лене я могу позволить себе откладывать деньги, покупать одежду, не ограничивая себя в питании.

Сергей Дмитрич морщится, и я торопливо исправляюсь:

– Звучит-то как отвратно! Я не голодаю, вы не думайте.

Очевидно, что приоритетом была бы еда. Просто остальные необходимые покупки делать было бы сложнее.

– Понимаю, – протягивает он. – Рад, что у тебя есть Лена и возможность немного облегчить свою жизнь.

– Слушайте, это просто жизнь, – улыбаюсь я. – А Лена... Я же с ней дружу и живу не из-за денег. Это облегчает мою жизнь, но если бы Ленка предложила просто снимать наполовину квартиру, я бы поддержала подругу, не бросила. Подумаешь, чуть больше работать бы пришлось... Зато вместе не так одиноко.

Я осекаюсь на соседа. От этого разговора мне не по себе. Слишком откровенничать я не привыкла, а тут болтаю и болтаю. А он слушает, словно ему действительно интересно.

– Удивительно, что, несмотря на тяжёлые жизненные обстоятельства, ты выросла такой замечательной девушкой.

– Да я обычная, Сергей Дмитриевич, – смущаюсь я.

– Многие могли бы озлобиться, пользоваться людьми, а ты совсем не такая. Это большая редкость.

– Бросьте, – отмахиваюсь я. – Не такая уж и редкость.

– Твоя подруга такая же? – с кривоватой усмешкой спра-

шивает он.

Я на секунду мешкаюсь, но выдаю без запинки.

– Конечно.

Сергей Дмитрич смотрит понимающим взглядом. Словно правда понимает, что Ленка не такая, но я не могу воспринимать её иначе. Она хорошая. Чуть взбалмошная, но очень хорошая. Избалованная немного, но это не делает её плохим человеком. Меня иногда коробит её потребительское отношение к родителям, но... Кто я такая, чтобы её осуждать? Будь я на её месте, ещё неизвестно, как вела бы себя...

– Ты хорошая, Юль, светлая девочка. Сбереги это в себе.

– Говоря это, мужчина поднимается. – Уже очень поздно. Спасибо за ужин и приятную компанию.

– Так уж и приятную! – смеюсь я. – Весь вечер только жаловалась вам на жизнь.

– Мне нравится открывать в тебе прекрасную личность, – хмыкает он.

Он идёт к выходу, и я провожаю его. Стою в дверях, глядя на мужчину.

– Спокойной ночи, Юля. – Сосед берёт меня за руку, слабо сжимая.

– И вам спокойной ночи, Сергей Дмитрич, – отзываюсь я, замороженно глядя на руку, зажатую в крупной мужской руке. Это длится мгновение, другое, а потом он уходит в ночь.

И, лишь вернувшись в кухню, я понимаю, что так и не напоила его чаем.

Глава 6.

Ночью мне не спится. В огромном доме слишком страшно. Все посторонние звуки вгоняют меня в панику, и я забираюсь с головой под одеяло и трясусь как мышка-трусишка сама не знаю почему. Чтобы хоть как-то отвлечься от пугающих меня мыслей, я начинаю вспоминать прошедший день да так и засыпаю.

Всю ночь меня мучают кошмары. Сергей Дмитрич всё везёт и везёт меня куда-то, и этому горному серпантину нет конца и края. А потом дорога заканчивается резким обрывом, и мы срываемся на полной скорости в пропасть. Мне хочется заорать от ужаса, но рот мой зашит грубыми стежками толстой нити. Кажется, глаза просто лопнут от напряжения в голове, а сердце разорвёт от страха. Но всё это перестаёт иметь значение, когда мужчина берёт мою руку в свою, крепко сжимая. Словно обещает, что всё, в конечном итоге, будет хорошо. В момент соприкосновения с крутыми склонами скал я не чувствую ничего, даже страха, зато резко перемещаюсь в одну из аудиторий вуза. Напротив меня стоит Лена, которая горько плачет, а когда я пытаюсь её успокоить, отталкивает меня, ударяя ладонями в грудь, и я лечу на пол, но падаю на голые скалы. И только тогда расшибаюсь в лепёшку, мгновенно просыпаясь.

Странно, но первым делом я провожу пальцами по губам.

Внутри меня зреет тревожное чувство, но я никак не могу понять, с чем именно оно связано. Мысли о том, что снилось, причиняют дискомфорт, и я стараюсь поскорее выбросить их из головы. Долго намываюсь в ванной, готовлю завтрак и завариваю чай. Завтракать сажусь перед телевизором, попутно написывая сообщения Ленке, которая наконец-то появилась в сети.

Мы обмениваемся фотками, она подробно рассказывает о своих романтических приключениях. Я не хочу грузить подругу мелкими недоразумениями, потому молчу. Ни словечка о соседе, забытых ключах и ужине в доме её родителей. Ни словечка о моих волнениях по поводу такого соседства. Только делюсь планами: сегодня я буду отдыхать в доме, а завтра планирую поехать в город.

Но когда Ленка убегает радоваться своему счастью, я снова предоставлена сама себе. И даже шум телевизора не отвлекает от этого. Громко топая, я беру из чемодана скетчбук и пенал, накидываю толстовку и выхожу во двор.

После непродолжительных поисков устраиваюсь в шезлонге, выбираю лучший вид и погружаюсь в рисование. Пожалуй, ничего больше я так сильно не люблю, чем рисовать. С самого детства, на любом клочке бумаги и любым огрызком карандаша, старыми засохшими красками, найденными у школьной помойки, когда освобождали на ремонт кабинеты, на обрывках бесплатных газет... Неважно где, на чём и как, но я рисовала то, что меня окружает.

Сначала выходило неважно, но если что-то и было подвластно маленькой Юле, так это отточить навык. И я оттачивала. Мне так хотелось научиться красиво рисовать, что я крада деньги из сумочки пьяной матери, покупала батон и пакет молока, и, непременно, карандаши, краски или альбомы. Мать долго не замечала, но везение не могло длиться вечно. Однажды я попалась: думала, что она уже спит, но мать застала меня у сумки и поколотила в первый раз. Мне не было обидно за тумачи – лишь за пару голодных дней и карманных денег на своё увлечение.

Лет с десяти я начала драить полы в подъездах, выносить чужой мусор и выгуливать собак. Думаю, люди просто жалели меня, но у меня стали появляться собственные деньги, питание стало разнообразнее, а карандаши и краски не переводились. Я рисовала прекрасный мир, вокруг вместо того чтобы оплакивать свою жалкую жизнь.

Возможно, рисование успокаивало, дарило чувство защищённости, не знаю. Но я рисовала и продолжаю рисовать.

Так и сейчас. Мелкими штрихами простого карандаша передаю тени, объёмы, размеры. От усердия даже высовываю кончик языка и шурюсь, разглядывая получившуюся картинку.

Передо мной горы, покрытые лесом, крыши домов на соседней улице коттеджного посёлка, идеальная лужайка газона, бортик бассейна, кромка воды и отражающееся в ней небо. То, что я вижу перед собой сейчас, прямо в это мгно-

вание.

Я делаю снимок рисунка на фоне воссозданного пейзажа, чтобы позже загрузить его на страничку социальной сети, и закрываю альбом. Можно сделать пару набросков и попытаться отрисовать красками по памяти, но я просто делаю ещё несколько снимков, откидываюсь на спинку шезлонга и прикрываю глаза от яркого солнца. Лёгкий ветер едва касается открытых участков кожи. Воздух здесь пахнет удивительно приятно, совсем не так, как в загазованной Москве. Все тревоги постепенно уходят прочь, и я окончательно расслабляюсь.

Мне больше не пять и не десять, я могу позаботиться о себе сама, я могу купить себе продукты и даже краски – какие пожелаю. И мать больше не будет меня колотить. Я выросла. Выжила. Всё хорошо. И обязательно станет ещё лучше.

Прошое давно не беспокоило меня, и вот, поглядите-ка: стоило лишь обронить в беседе с Сергей Дмитричем пару фраз, как снова начало накатывать волнами дурных мыслей и воспоминаний.

Мысленно воспроизвожу в памяти штрих за штрихом сегодняшнего рисунка и, кажется, засыпаю. Сон лучше слёз, это кто угодно знает. Вот и я предпочитаю сон в борьбе со стрессами.

Сон мой некрепкий, поверхностный. Поэтому, почувствовав, как на ноги ложится плед, я моментально возвращаюсь в реальность, но не тороплюсь открывать глаза, с любопыт-

ством прислушиваясь.

Сергей Дмитрич – а кто же ещё?! – некоторое время вышагает надо мной, а потом берёт в руки блокнот для рисования и начинает медленно шуршать страницами, задерживаясь на каждом рисунке достаточное для самого внимательного рассмотрения количество времени.

Я открываю глаза. Мне интересно, нравятся ли ему мои рисунки, потому что он первый человек, который на самом деле разглядывает их. Но по виду мужчины нельзя сделать каких-либо выводов.

– Спасибо за плед, – тихо благодарю его, подавая признаки жизни.

– Пожалуйста, – он ничуть не смущается, что я застала его тут за этим занятием. – Ты очень талантливая художница, Юль. Красиво рисуешь.

Я раскрываю рот, чтобы сказать «спасибо», но он перебивает:

– Не спорь, всё равно не убедишь в обратном.

– Вообще-то и не собиралась, – обижаюсь я.

– Вот и умница, – переводит на меня свой взгляд и добавляет: – Мне нравится, когда ты послушная.

И хоть по его улыбке и смеющемуся взгляду мне и понятно, что это шутка, я всё равно краснею, словно в ней сокрыт какой-то пошлый намёк.

– Ты где-то занимаешься? – кивает мужчина на скетчбук.

– Нет, – краснею ещё больше. – Просто рисую. Сама.

– Умница, – хвалит он. – Очень красивые работы. Ты – талантище!

– Спасибо, Сергей Дмитриевич. Если честно, я никогда прежде не показывала их никому. Ну, свои рисунки. Как-то даже не думала, что кому-то будет интересно...

– Это ты зря, – протягивает он. – Сейчас что только не принято называть современным искусством, а ты свои шедевры прячешь!

– Скажете тоже – шедевры! – фыркаю я и даже смеюсь, но мужчина лишь качает головой.

– Не понимаю...

– Чего именно?

– Ты настолько не доверяешь людям или настолько не уверена в себе? – Сергей Дмитрич задумчиво смотрит мне в глаза, и я теряюсь.

– Так, сходу, и не скажешь, – глухо отзываюсь я.

– И что же нам с тобой делать? – риторически спрашивает он.

Понятное дело, что никто ничего делать не собирается. Он – точно. Мы просто случайные люди, вынужденные соседи. Я даже не могу взять в толк: и чего он носитя со мной как с писаной торбой? Очень чудные дела! Невольно ждёшь какого-то подвоха от такой заботы. Словно за добротой и помощью непременно последует час расплаты.

Внутренний голос мгновенно поддакивает мыслям: мол, да-да, будто мы не знаем, зачем мужчины проявляют свои

рыцарские качества, но я лишь закатываю глаза. Интуитивно я *знаю*, что могу доверять этому человеку напротив. Предостаточно было вариантов сотворить со мной всякого, но он не сделал ничего плохого. Флирт – если это он – не в счёт. До конца я пока не понимаю мотивов соседа, но уверена, что он заигрывает. Играет. Обольщает. А я, глупая девчонка, так запросто покупаюсь на это.

– Вечереет, Юль, ступай лучше в дом, – врывается в мои мысли хриплый голос, вызывающий мурашки по коже.

– А вы? – глупо спрашиваю у него, мгновенно прикусывая язык.

– А я тебя увидел в окно и вынес плед, – усмехается он. – Думал, ты спишь, и побоялся, что замёрзнешь, вот и заскочил на задний двор до отъезда.

– Вы уезжаете?! – несдержанно вырывается у меня.

– Да, на вечер у меня запланирована встреча. Так что, не скучай тут и не попадай в неприятности.

Он посмеивается, и это очень злит меня.

– Словно я попадала! – закатываю глаза.

Сергей Дмитрич протягивает мне тёмно-графитовую карточку. На плотной, явно не дешёвой визитке лаконично и строго выведено серебристыми буквами: Суровин Сергей Дмитриевич, д. т. н., номер телефона.

– Что это? – непонимающе спрашиваю у него.

– Мой номер. Можешь звонить в любое время и по любым вопросам. Если не разберёшься, как включить сауну, слома-

ется кран, срочно захочется чего-то вкусенького из магазина, словом, *по любому вопросу*, не стесняясь, просто позвони.

– Спасибо, конечно, за предложение, но вряд ли за то время, пока вы будете отсутствовать по соседству все эти *целых несколько часов*, со мной успеет приключиться какое-то недоразумение, требующее вашего неотложного присутствия.

Делаю самое серьёзное выражение лица, пытаюсь, но мужчина щёлкает меня по носу.

– Я уже понял, какая ты отважная и самостоятельная, Юль. – Он мельком бросает взгляд на часы на правой руке. – По любому вопросу, ладно? Если что-то беспокоит, просто позвони. Я уехал, пока, Юль!

– Счастливого пути! – машу ему рукой. Пальцы на другой покалывает от плоской карточки, чуть шероховатой на ощупь. Знаю заранее, что никогда не воспользуюсь его номером, но, чёрт возьми, как же приятно, когда абсолютно посторонний человек готов просто так прийти на выручку по одному звонку!...

Я слежу, пока крупная фигура не скроется в своей половине дома, внимательнее изучаю визитку и, подхватив всё барахло, прячусь в доме, заперев замки и подёргав ручку.

Завалившись прямо в соседском пледе на диван, открываю браузер в телефоне и вбиваю в поисковую строку: «д. т. н. что значит?». Пока листаю выпавшие результаты, неволь-

но принимаю. На свежем воздухе я и не замечала, чем пахнет плед, а сейчас, в тепле безветренного помещения, от мягкой плюшевой ткани исходит еле слышный аромат мужского парфюма, за которым угадывается запах человеческого тела, запах Сергей Дмитрича.

Обычно, такие вещи вызывают у меня дискомфорт, если не чувство брезгливости, но не сегодня. От этого пледа – и этого запаха – по телу разливается тепло, и я кутаюсь в мягкую ткань сильнее, углубляясь в чтение статьи.

Так-так-так! А интересный экземпляр этот сосед! Ведь аббревиатура, указанная на визитке, расшифровывается как “доктор теологических наук”... или “доктор технических наук”. Точнее скажет только новый поиск.

Я прогоняю имя нового знакомого через поиск и узнаю кучу любопытных фактов.

Во-первых, Сергей Дмитрич – доктор технических наук, профессор кафедры прикладной математики престижного забугорного колледжа.

Во-вторых, сосед – автор нескольких научных пособий. Я открываю ознакомительные фрагменты парочки книг, пробегаю глазами по ровным строчкам и снова возвращаюсь на страницу поиска, делая очередное открытие.

В-третьих, поиск не выдаёт ни одного упоминания в сми или ссылок на страницы социальных сетей, соответственно, и фотографий мужчины раз-два и обчёлся. Интересно! Редко встретишь в современном мире человека без соцсетей. И

что самое главное, никак не узнать, в отношениях ли он сейчас!..

Я не хочу думать, *заче*моно мне надо, но надо до зуда. И поиск не приносит ничего, кроме ещё большей кучи вопросов. От неудовлетворённости я отбрасываю телефон в сторону и включаю какой-то бестолковый сериал. Не думаю о соседке Судиловых, мне это вовсе ни к чему. Это обыкновенное любопытство от скуки, и ничего больше! Но после шестой или седьмой серии, практически через пять часов с момента его отъезда, когда на заднем дворе за окном давно уже стоит непроглядная темень, я начинаю переживать.

Вдруг с ним что-то случилось? Дорога-то какая! Сплошной горный серпантин. Я же могу позвонить Сергей Дмитричу *по любому вопросу*, так почему бы не набрать его номер сейчас и не спросить какую-либо ерунду?

Блин! Как назло, ничего толкового на ум не идёт! Что сказать? Что сказать?.. Что мне страшно? Или что не работает вай-фай? Соберись, Юлька, какой, нафиг, вай-фай? Всегда можно раздать мобильный интернет, это даже дошколята знают! Ладно, решено, я позвоню и на ходу придумаю, что сказать!

Я перепечатаваю номер с визитной карточки, нажимаю на кнопку вызова... Он сказал, что у него назначена встреча. Вдруг он занят, а я стану отвлекать его с какой-то ерундой? А вдруг он встречается с женщиной?.. Неловко то как звонить, вдруг он слишком занят с *ней*?

Волна негодования поднимается откуда-то снизу, подобно приливу желчи, и палец скидывает звонок, до того как прошёл хотя бы один гудок. Я откидываю голову на спинку дивана, закрываю глаза и тихо выругиваюсь себе под нос.

Дурочка! Наверняка он уехал встретиться с женщиной, а ты сиди тут одна.

Всё правильно. Так и должно быть. Я всё прекрасно понимаю. Но от затопившего с головы до ног разочарования, абсолютно неуместного и необъяснимого, хочется кричать. Впрочем, когда на часах уже три ночи, а соседняя подъездная дорожка по прежнему пуста, я себя и не сдерживаю: утыкаюсь лицом в подушку и кричу, что есть мочи.

– Он мне никто, – глухо звучит в ночной тишине мой голос. – И я ему никто.

Утром моё настроение чернее ночи. Я наливаю огромную кружку кофе ему под стать и выхожу босая на крыльцо, придирчиво глядя на пустое парковочное место. Шумно прихлёбываю несколько глотков обжигающего напитка и вздыхаю:

– Н-да!

И чего ожидала? Что машина соседа материализуется прямо из воздуха? Если его не было всю ночь, то прямо сейчас он передо мной не появится. Потому что занят кем-то другим. *Кем-то другим*. Где же ещё мужчина может проводить время после запланированной вечерней встречи, правильно?

Воображение рисует мне картину того, каким именно об-

разом развлекается Сергей Дмитрич, и я злюсь на него – воображение, – и на себя заодно.

«Ну, давай, признайся, Юлька. Влюбилась?»

Как девчонка! В первого встречного, кто был достаточно мил и проявил чуточку заботы.

Разве думала я, что взрослый мужчина так сильно будет отличаться от моих ровесников? Что он будет красивым, мужественным, обаятельным, весёлым, умным, что мне окажется с ним настолько интересно? Что все его действия словно сами собой разумеющиеся? Ни капли наигранности. Я верю его доброте и отзывчивости, даже если это всего лишь умышленный коварный план по соблазнению.

«Поздравляю, Юлька. Ты попала!»

И попала по уши. Ведь меня действительно волнует, с кем он провёл ночь и есть ли у него сейчас постоянные отношения. И я, выходит, ревную его. Какая нелепость!

От неожиданности я давлюсь кофе, расплёскивая содержимое на пол, пока откашливаюсь и отфыркиваюсь. Приходится мыть полы. Для верности – и чтобы занять мозги чем-то другим – я перемываю все комнаты первого этажа и протираю пыль на всех поверхностях. Только я могу умудриться, выручая подругу, влюбиться в её соседа, который годится мне в отцы! Нужно поскорее выбросить из головы эту дурь, потому что:

- а) это не нормально, ведь я совсем не знаю этого человека;
- б) всё равно мне ничего не светит;

в) наверняка у него имеется женщина подходящего возраста, а возможно, даже настоящая семья;

г) подозреваю, что мои чувства обманчивы и навеяны отсутствием в жизни близкого человека, который заботился бы обо мне, а значит, ни к чему хорошему они не приведут.

Поэтому мне нужно развеяться, может, съездить в город... Всё лучше, чем перегонять ненужные мысли из пустого в порожнее!

Разложив всё по полочкам в своей голове, я испытываю облегчение. Так-то лучше! А то придумала глупости!..

Быстренько принимаю душ, нахожу в интернете номер местного такси и надеваю симпатичное голубое платье в горошек. Соображаю на голове пучок, накидываю джинсовку, цепляю на голову солнечные очки. Этот день будет идеальным! Иначе не может быть!

Когда водитель сообщает, что подъехал, я проверяю плиту и электроприборы и покидаю дом, тщательно запирая двери. Убираю ключи в небольшой рюкзачок и устраиваюсь на заднем сиденье такси, пристёгивая ремень безопасности. Пока вожусь с ним, не обращаю внимания ни на что, но, едва щёлкнув замочком, поднимаю взгляд на зеркало дальнего вида, встречаясь взглядом с карими глазами молодого кавказца.

– Можно ехать, – вежливо улыбаюсь ему.

– Сейчас, красавица, придурок какой-то путь перегородил.

Водитель сигналит несколько раз, и я оборачиваюсь назад, отыскивая того самого придурка. С силой прикусываю губу, наблюдая, как Сергей Дмитрич неторопливо огибает свой огромный автомобиль и идёт по направлению ко мне.

Мужчина резко распахивает дверцу, и я пишу что-то невразумительное в сторону водителя. Кажется, это должны быть извинения.

– Добрый день, – Сергей Дмитрич слегка наклоняется, заглядывая в салон. – Выходи, Юль.

– Нет, – качаю я головой. – Я еду гулять.

– Извините, – неожиданно обращается он к водителю. – Девушка никуда не едет. Я покрою стоимость поездки.

– Девушка едет, – упрямо перебиваю его. – И сама оплатит свою поездку.

– А я сказал: не едет! – с нажимом говорит мой сосед. Это выводит меня из себя, и я твёрдо заявляю:

– А я сказала: едет! Мужчина, закройте, пожалуйста, дверцу и освободите путь.

– Юля, – с предостережением бросает Суровин. Вы поглядите, какой суровый! Как бы не лопнул!

– Эээ, – протягивает водитель, – девушка, давайте вы со своим отцом решите тут, а я поеду?..

– Он мне не отец, – цежу я. Сергей Дмитрич усмехается.

– Тогда с мужем... – осекается водитель.

– Он мне не муж! – холодно отрезаю я.

– Я тебя сейчас силой выволоку, – тихо обещает этот «не

муж», и я поджигаю губы.

Проходит секунда, две, три, и я успокаиваюсь так же внешне, как завелась.

Щёлкаю замочком ремня, подхватываю рюкзачок и говорю водителю:

– Извините, что так вышло. Он всё оплатит.

Сергей Дмитрич довольно скалится:

– Ага! – и протягивает мужчине пару тысячных купюр. С чаевыми за беспокойство, значит. Ну-ну!

Я стою возле своего крыльца, равнодушно глядя, как сосед освобождает проезд для такси, снова покидает салон и возвращается ко мне.

– Ну вот, видишь? – с гадкой улыбкой говорит он мне. – Ничего смертельного ведь не случилось от того, что ты не поехала? Небеса не разверзлись, конец света не наступил...

– Просто вы разрушили мои планы провести чудесный день в прогулке по Сочи!

– Да отвезу я тебя в город, Юль, – отмахивается он, не обращая никакого внимания на мои обиды. – Кстати, ты замечательно выглядишь. Голубой тебе к лицу.

Я закатываю глаза, перебарывая желание послать его куда подальше.

– Вот что с вами не так, а, Сергей Дмитриевич?

– А что со мной не так? – задумчиво переспрашивает он, осматривая себя придиричливо. – Вроде всё так.

– Я не про внешний вид, – уточняю, подозревая, что он

попросту издевается. – А про ваше поведение.

– Так и говорю тебе: всё так. – усмехается он. – Увидел, что ты садишься в сомнительную тачку, и избавил нас обоих от головной боли. Почему мне не позвонила?

– Потому что побоялась оторвать вас от суперважных ночных дел! – огрызаюсь я. – Неловко было случайно помешать в самый ответственный момент!

– Ого, да ты ревнуешь, что ли? – со смешком спрашивает он, и я вспыхиваю до самых кончиков ушей.

– Вот ещё! С какой, скажите, радости мне ревновать на-злойливого незнакомца?

– Незнакомца? – скептически спрашивает он. – Как минимум, на шапочное знакомство потянет, я думаю. И не спорь!

Мужчина закидывает руки мне на плечи, отчего сердце в груди делает затейливый кульбит, и склоняет голову к самому моему лицу. Ближко-близко.

– Хочу узнать тебя поближе, Юль. Давай проведём этот день вместе.

– Это не вопрос, – шепчу я, чувствуя пугающую тесноту в груди. Он кивает:

– Не вопрос. Хочу показать тебе город, Юль. Давай сделаем это. Вместе.

Глава 7.

Сосед мягко тянет меня в сторону своей половины дома. Хотя я не успела ещё дать согласие. Или отказаться.

– Сейчас я быстро приму душ и переоденусь, и поедем, Юль, – воодушевлённо говорит мне.

– Мне обязательно ждать вас там? – спрашиваю чужим, незнакомым голосом.

– Боюсь, что ты сбежишь, – криво усмехается он. – Тем более ты уже собрана и готова, а я только освежусь быстренько, и всё.

Я брезгливо морщусь. И думать забыла, где, а главное, с кем он провёл ночь... А теперь ему требуется освежиться, чтобы поближе узнать *меня*.

– Вы знаете, наверное, я лучше откажусь от вашего предложения...

– Ну что опять не так, Юль? – со вздохом спрашивает сосед. – Ждать долго не придётся, не переживай. Можно было бы и без этого обойтись, но я провёл много времени в клубе и, как минимум, рассчитываю сменить одежду. Напряжённая выдалась ночька, скажу я тебе. Давно у нас с парнями не случалось такой насыщенной игры!

– Игры? – любопытничаю я.

– Ночь покера, – поясняет он, но я лишь непонимающе хмурюсь. – Мой близкий приятель владеет ночным клубом,

раз в несколько месяцев там происходит особое событие – ночь покера. Чисто мужское мероприятие, в эту ночь дамам вход воспрещён. И вот, представь, куча потных мужиков сидит за столами и играет до победного. Около четырёх закончили, я остался у Андрея, у него квартира в одном из комплексов на набережной в посёлке, куда мы ездили в магазин. Клуб тоже поблизости. Так вот, как встал, сразу поехал домой. А тут ты садишься в такси...

Он отпирает дверь, и я молча прохожу в тёмный холл. Сказать, что у меня камень с души свалился, это промолчать! Сам того не зная, Сергей Дмитрич избавляет меня от мучительных дум и... ревности.

– Принимайте душ, – добродушно заявляю ему. – Я пока кофе сварю.

– Идеальная, – мечтательно протягивает мужчина и объясняет, где найти всё необходимое.

Пока он собирается, я хозяйничаю в кухне. Смело предполагаю, что Сергей Дмитрич не завтракал, и готовлю воздушный омлет с беконом и укропом, заправляю кофемашину, сооружаю пару сэндвичей.

Хозяин, свежий после душа и с влажными волосами, спускается ко мне в рубашке нараспашку, которую застёгивает прямо на ходу. Я смущённо прячу взгляд, чтобы не глазеть на его великолепный торс.

– Ого! Вот это сюрприз! Приятно, спасибо, Юль! – хвалит он, и я улыбаюсь.

– Садитесь скорее за стол, пока не остыло, – команду я. Он подчиняется.

Я пью кофе, иногда посматривая, с каким аппетитом ест Сергей Дмитрич. Наверное, любой женщине приятно осознавать, что мужчине нравится приготовленная ею еда. И я не исключение. А сосед словно прекрасно всё понимает и работает на публику, то есть на усладу моему взору. Едва ли не причмокивает от удовольствия, и я не могу сдержать улыбки.

– Ну всё, – вытерев рот салфеткой, говорит он. – Спасибо, Юль, накормила, напоила... Поехали, ты у меня заслужила самую лучшую прогулку.

Кажется он спрашивает что-то вроде: «Уже придумала, чего хочешь посмотреть?», но это не точно. В моей голове на повторе звучит его голос: «Ты у меня. Ты у меня. Ты у меня.», и я лишь рассеянно качаю головой.

– Ладно, сообразим! – подмигивает он мне.

В полной прострации иду следом за широкой мускулистой спиной, всеми силами удерживая взгляд между лопаток, чтобы не посмотреть ненароком на крепкие ягодицы, тесно обтянутые модными брюками, пока чуть ли не врезаюсь в соседа.

Он чуть смещается, чтобы помочь мне забраться в высокий кузов. Горячие ладони ложатся чуть ниже талии, под джинсовую куртку. Тонкая ткань платья сжимается под этой хваткой, юбка до неприличия оголяет бёдра. Я испытываю

волнение от охватившего вдруг жара, который медленно расползается по телу от мужских рук.

Интересно, он смотрит?

Словно читая мои мысли, Сергей Дмитрич как-то подозрительно вкрадчиво говорит:

– Какое у тебя платьишко красивое, Юль. Очень мне нравится.

– Ммм, спасибо, – невразумительно отвечаю я, усаживаясь наконец на сиденье.

Мужчина заботливо перекидывает через моё тело ремень безопасности и щёлкает замочком фиксатора. Его лицо совсем близко к моей груди, а пальцы плавно скользят по изгибу бедра. Моё сердце учащает ритм. Кажется, скоро это станет традицией: автомобиль мужчины, моя грудь и его лицо так близко к ней! Я стараюсь дышать ровнее, чтобы не выдать своего волнения от этой близости. Сергей Дмитрич быстро стреляет взглядом по моим голым коленкам и отстраняется.

Спустя мгновение он уже за рулём, довольно потирает руки.

– Поехали!

Всю дорогу до города мы неторопливо беседуем. Обсуждаем, в основном, кинематограф, книги, музыку. Отчасти наши вкусы совпадают, но иногда между нами вспыхивают жаркие споры. Особенно, по части интерпретации каких-либо фраз и цитат. Мы успеваем повздорить три раза, пока я

не понимаю, что мужчина специально дразнит меня, и я начинаю вести себя иначе.

Бросаю на него кокетливые томные взоры, говорю игривым тоном, складываю губы бантиком и послушно соглашаюсь с любыми его доводами. Мне нравится эта маленькая шалость. За этой игрой легко прятать смущение и стыд. И мне нравится, как моё поведение медленно начинает раздражать мужчину. Совсем как меня его споры!

Когда на радио включают песню любимой группы, я радостно подпрыгиваю:

– Обожаю эту песню! – и делаю чуть громче, подпевая на весь салон.

Сергей Дмитрич часто поглядывает в мою сторону и, стоит только песне смолкнуть, спрашивает:

– Так сильно нравится?

– Да, мы даже на концерт ходили!

– С подружкой? – с усмешкой спрашивает мужчина.

Это вопрос с подвохом?

– Нет, – качаю головой. – С другом... бывшим. Не важно, словом.

– А сейчас у тебя есть... друг?

– У меня много знакомых, – пожимаю плечами и уточняю, едва сдерживая улыбку: – Обоего пола.

– Юль, ну ты глупышку-то не включай, – скалится Сергей Дмитрич. – Парень у тебя есть сейчас? Отношения какие-нибудь?

– Сейчас – нет, – скромно потупив взгляд, отвечаю ему. Но тут же навешиваю на лицо кокетливую улыбку: – Не потому что никто не предлагает, вы не подумайте. У меня сейчас не очень много времени на нормальные отношения: во-первых, три-четыре дня в неделю я работаю в кафе, а ещё новая подработка в деканате после пар – я стажировалась два месяца и надеюсь, что мне дадут положительный ответ. А самое главное, конечно, учёба! К тому же, иногда я пишу на заказ рефераты, курсовые и дипломные работы, веду странички нескольких пабликов... Словом, я слишком занята. Последний мой бойфренд нашёл себе более... подходящую подружку, чтобы шлаться по кафешкам и киношкам... Ой, да, впрочем, вам это, наверное, неинтересно!

Я прикусываю язык, резко смолкая. Сергей Дмитрич не смотрит на меня, лишь улыбается. Я понимаю это по тому, как поднимаются его скулы и дёргается борода.

– Мне *очень* интересно, – говорит он. – Значит, прошлый твой... бойфренд слился, а новым обзавестись не успела?

– Выходит, что так, – подтверждаю я кивком.

– И много у тебя было таких *прошлых*?

– Несколько, – чопорно отвечаю ему. Меня подмывает спросить про его отношения, но я не решаюсь.

– Несколько – это много или мало? Ну по твоим прикидкам?

– Смотря с чем сравнивать, – пожимаю я плечами. – Штук пять, наверное. Со времён старшей школы.

– Ну, пять – это не много, – успокаивает он. Вот только... меня или *себя*? – И со всеми из этих пяти были довольно близкие отношения?

Это что, его интересует, был ли у меня с ними секс? Или я чего-то не правильно понимаю? Но смущающий меня разговор вызывает дискомфорт.

– Сергей Дмитрич, что-то я не особо понимаю... и не особо уверена, что хочу обсуждать с кем-то отношения со своими бывшими парнями. Достаточно того, что они *были*, а теперь их нет.

– Верно, – с лёгкостью соглашается он, и я смотрю на мужчину с подозрением, но он больше не задаёт провокационных вопросов, и разговор уходит в безопасное русло.

Сергей Дмитрич паркуется где-то в центре города, у парка «Ривьера», но предлагает заглянуть туда ближе к вечеру, и мы идём по оживлённой улочке с кафе и торговыми лавками к набережной. В одном из фудтраков сосед берёт два кофе и порцию чуррос, и мы устраиваемся на лавке с видом на море и делим лакомство на двоих.

Рядом с ним я испытываю странные чувства: от спокойствия до крайнего смущения. Меня волнует и пугает его близость, но само присутствие соседа – не здесь, на лавке, не в этой поездке, а в жизни в целом, в этом её отрезке, внушает спокойствие и уверенность. Словно я точно *знаю*, что он должен быть в моей жизни. Но это, конечно, глупости. В отличие от Сергей Дмитрича, я в фатализм верю слабо.

– Ну вот и подкрепились, и взбодрились после дороги, – бодро говорит мужчина. – Пойдём гулять.

Он протягивает мне руку, и я нерешительно вкладываю пальцы в широкую мужскую ладонь. Кожу покалывает от этого контакта, и я смотрю на Сергей Дмитрича. Его глаза завлакивает темнотой, а на лице вспыхивает выражение решимости. Будто он принял важное решение и намерен претворить его в жизнь. Придётся ли оно мне по вкусу?

Мужчина бережно сжимает мою руку, переплетая наши пальцы, и мы неспешно идём по набережной.

Мне нравится смотреть на море. Вид его завораживает и успокаивает, привносит чуточку гармонии в моё смятение.

Почти не разговаривая, лишь изредка перебрасываясь незначительными фразами, мы доходим до морпорта, где я прошу мужчину сделать несколько фото на память, и идём дальше, пока Сергей Дмитрич не уводит меня от набережной по направлению к центру.

Оказавшись на площади с огромной клумбой, я не сразу осматриваю огромное здание с колоннами. Сперва взгляд задерживается на пальмах, детишках, рассекающих вдоль вытянутой клумбы на самокатах и велосипедах, на сидящих на скамейках людей.

– Решил, что тебе захочется посетить художественный музей, – говорит мой спутник. Я изучаю золотистую надпись на фасаде и киваю.

– Хорошо.

Следующие два часа мы проводим в прохладных залах музея. Я изучаю выставочные экспонаты. Суровин – меня. Поначалу я смущаюсь его пристального внимания, но вскоре живопись и графика полностью поглощают меня. Удивительные картины и рисунки поражают воображение глубиной оттенков и точностью линий. Даже в самом простом изображении виден талант и упорная работа. Мне далеко до такого. Мои рисунки просты и примитивны. Словно в этих полотнах есть душа, а мои передают лишь саму суть. Можно научиться красиво рисовать, но не стать от этого художником.

Посещение музея больше расстраивает меня, чем приносит удовольствие, но я не собираюсь сообщать это Сергей Дмитричу. Он же хотел как лучше!.. Никто другой не делал для меня ничего, а Ленкин сосед сделал прекрасный день почти идеальным. Удивительным. В какой-то мере романтичным даже. Будто мы взаправду выбрались на свидание.

Завершив осмотр выставки, мы направляемся к выходу. Сергей Дмитрич предлагает:

– Тут недалеко, по пути к парку, есть хороший ресторанчик. Пообедаем там?

– Хорошо, – осторожно соглашаюсь я.

В этот момент мужчина открывает передо мной массивную дверь, и я испытываю глубокое разочарование: на улице льёт как из ведра. Настоящий тропический ливень, от которого на асфальте возникают целые потоки воды.

Сергей Дмитрич вызывает такси и поворачивается ко мне.

– К сожалению, придётся перенести обед в ресторане. Нам лучше вернуться к машине и поехать обратно. Если дождь усилится, дороги может сильно размыть и проезд по ним будет крайне опасен.

– Да, конечно, как скажете, – испуганно ойкаю я.

Минут через двадцать мы пересаживаемся в автомобиль Суровина, и я бросаю на заднее сиденье рюкзачок, стягиваю промокшую джинсовку и слегка отжимаю волосы. Сергей Дмитрич врубает печку посильнее и трогается в сторону выезда из города.

На трассе дождь действительно усиливается. Видимости ноль. Я испуганно вжимаюсь в сиденье и молчу, боясь отвлекать водителя своей болтовнёй от сложной горной дороги. Мы минуем горный посёлок, в котором закупались продуктами, и дождь немного утихает. Скованность постепенно отпускает меня.

Когда, по моим подсчётам, до дома остаётся примерно минут десять-пятнадцать, в салоне раздаётся какой-то писк. Сергей Дмитрич чертыхается и съезжает к обочине, и в этот момент приборная панель гаснет.

– Что случилось? – спрашиваю я, глядя, как мужчина предпринимает попытки завести машину.

– Аккумулятор сел.

– Так быстро?

– Кондиционер работал, печка... – задумчиво протягиваю

ет он. – Возможно, просто сбой какой-то, может, я не уследил.

Он разводит руками, словно извиняясь, и проверяет телефон.

– Не ловит. А у тебя?

Я достаю свой и смотрю на экран. «Нет сети». Замечательно!

– Тоже нет.

– Ладно. Ничего страшного, подождём. Дорогу популярной не назовёшь, впереди только наш коттеджный посёлок, но надеюсь, что кто-то поедет.

Постепенно салон охлаждается, а за окном начинает темнеть. Дождь весело шумит, врезаясь в крышу и стёкла машины.

– Посидишь одна? – решается мужчина. – Ждать бесполезно, пойду в сторону посёлка. Тут осталось километра два плюс-минус. Либо сеть появится, либо дойду до охраны и сразу вернусь за тобой.

– Я пойду с вами, – упрямлюсь я. – Смотрела достаточное количество фильмов ужасов, чтобы знать, что разделяться ни в коем случае нельзя.

– Не глупи, Юль. Жизнь не фильм ужасов, а снаружи ливень. Ты заболеешь.

– Я боюсь сидеть тут одна, – признаюсь мужчине. – Просто боюсь. Пожалуйста, Сергей Дмитрич, не настаивайте. Я иду с вами, если вы уходите.

Он поджигает губы, но медленно выдыхает:

– Ладно. Тогда идём.

Хотя и идём мы довольно быстрым шагом, от бесконечного водяного потока с неба я, промокнувшая мгновенно, замерзаю до самых костей. Напитанная водой джинсовка становится просто ледяной. Зубы начинают стучать, я не чувствую онемевших от холода губ, рук и ног. Да и всех остальных частей тела. И замедляюсь, тормозя мужчину.

– Замёрзла, Юль? Ничего, немного осталось, потерпи, маленькая. – подбадривает Сергей Дмитрич и берёт меня за руку, буквально таща за собой.

Наконец мы добираемся до поста охраны, но сосед лишь отмахивается на предложенную помощь. И лишь на подходе к дому я вспоминаю, что оставила рюкзачок с ключами в машине соседа.

От досады хочется расплакаться, как маленькой девочке, но Сергей Дмитрич, едва выслушав о моей проблеме, тащит меня как на буксире к своей двери и втягивает в дом.

Ведёт сразу в кухню, щёлкая на кнопку электрического чайника. Я вся дрожу. Пытаюсь стянуть мокрую джинсовку, но пальцы деревенеют и не слушаются. Не выдержав, мужчина сам стягивает с меня грубую ткань, прилипшую к телу. Следом прямо на пол летит его рубашка.

Сергей Дмитрич напряжённо смотрит на меня, кидается в гостиную, чтобы сорвать с дивана плед.

Я протягиваю дрожащие руки к тёплой плюшевой ткани,

но он качает головой.

– Это придётся снять, Юль.

Приговаривая что-то себе под нос, он заводит руки за мою спину и отыскивает собачку потайной молнии платья. Он не размышляет, я не думаю о последствиях.

Толстые мужские пальцы проводят по моим плечам, цепляя мокрую ткань, и тянут вниз платье. Я остаюсь лишь в мокрых кедах и трусиках.

Взгляд мужчины устремляется на сморщенные от холода соски, а у меня нет сил даже прикрыться.

Сергей Дмитрич накидывает мне на плечи плед, на мгновение прикрывает глаза и издаёт какой-то низкий утробный стон. Секунда, и я оказываюсь сидящей на столе, а мужчина быстро стягивает с меня кеды и сбрасывает свои туфли, выпрямляясь.

Он нависает надо мной, заглядывая прямо в душу. Мрачная решимость, читаемая во взгляде, сводит меня с ума, лишая воли.

– Я знаю только один самый быстрый способ согреть тебя, – бросает он перед тем, как накрыть мои губы губами.

Глава 8.

Мужчина прикусывает мою нижнюю губу, вынуждая открыться для стремительного проникновения горячего языка, который ныряет в мой рот почти до самой глотки, заставляя подчиняться каждому его требовательному движению. Мне не хватает воздуха. Я совершенно забываю, как дышать, лишь судорожно всхлипываю на каждом удобном моменте.

Горячие ладони тем временем ложатся на мои сомкнутые колени и резко разводят их в разные стороны. Сергей Дмитрич занимает место между ними, тесно вжимаясь животом в мою промежность.

Пальцы мужчины оглаживают бёдра, очерчивают позвонки, проходятся по рёбрам. Мне щекотно, но совсем не смешно. Всё внутри меня сжимается от страха... и предвкушения.

“Это его способ отогреть меня?” – проносится в мы

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.